

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых**

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы научно-практической конференции
студентов факультета иностранных языков

Красноярск, 7 апреля – 20 мая 2016 г.

Электронное издание

Красноярск
2016

ББК 74.0
М 754

Редакционная коллегия:

И.А. Озолина (отв. за выпуск)

Т.П. Бабак

Н.В. Колесова

С.А. Агапова

И.А. Битнер

Т.Б. Исаева

Л.Р. Тимохина

Т.Г. Игнатьева

Н.С. Потылицына

М 754 Молодежь и наука XXI века: XVII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Отдельные вопросы филологии: материалы научно-практической конференции студентов факультета иностранных языков. Красноярск, 7 апреля – 20 мая 2016 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И.А. Озолина; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-976-8

ББК 74.0

ISBN 978-5-85981-976-8

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Александрова А.А., Тимохина Л.Р. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – АБСУРД ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?	4
Едуков Д.П., Исаева Т.Б. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО ПЛАКАТА).....	7
Ильичева А.С., Игнатьева Т.Г. ТЕРМИН «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	10
Картавенко К.В., Бабак Т.П. МНОГООБРАЗИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ А.Э. ПО «ЧЕРНЫЙ КОТ»	14
Каур К.А., Агапова С.А. ПЕРЕДАЧА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».....	16
Кламер И.Е., Битнер И.А. КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ NOUN + ADJ)	19
Колесова А.В., Тимохина Л.Р. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ.....	23
Курьшева В.А., Потылицина Н.С. РОЛЬ СОЦИОЛЕКТОВ В ПОПОЛНЕНИИ УЗУАЛЬНОГО ФОНДА СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	26
Лелюк А.А., Тимохина Л.Р. КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК?	30
Маркова М.А., Битнер И.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОКСЮМОРОННЫХ СОЧЕТАНИЙ	32
Марчукова В.А., Штумпф С.П. РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ТОСКА КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА	35
Романова Д.А., Битнер И.А. ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ ОСОБЕННОСТЬ СТРОЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	39
Смоленцева М.С., Бабак Т.П. ИРОНИЯ КАК СОЗДАНИЕ КОМИЧЕСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ П.Г. ВУДХАУСА «ЛЮБОВЬ НА ФОНЕ КУР».....	41
Фабер В.А., Колесова Н.В. ИНОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	44
Хайсанова К.Р., Агапова С.А. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)	48
Черенкова А.В., Агапова С.А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	50

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – АБСУРД ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

А.А. Александрова, Л.Р. Тимохина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В результате всемирной интеграции складывается полиэтничное и мультикультурное общество, нуждающееся в регуляции отношений между его представителями.

Зачастую, путешествуя за границей, мы сталкиваемся с проблемами коммуникации с жителями той или иной страны. Дело в том, что мы судим их речь и сами разговариваем с ними так, как будто они тоже русские. Такое отношение приводит к непониманию, которое возникает из-за использования некорректных, по мнению собеседника, слов.

Так, в последнее время весьма большую популярность приобрел термин «политкорректность». Но на сегодняшний день его роль в жизни общества до сих пор неоднозначна. Впервые этот термин был предложен в 1983 г. известной феминисткой Карен де Кроу, президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин.

Итак, **политическая корректность** – это культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, способных задеть чувства и достоинство индивидуума, эмоционально нейтральными в определенных темах [4]. Некоторые из них рассмотрены в данной работе на примере США.

Основной тематикой, подверженной политкорректизации, является тема расовой и национальной принадлежности. Что и не удивительно, ведь, как утверждают некоторые специалисты, феномен политкорректности возник около 30 лет назад в результате протеста африканцев (не только жителей континента) против расизма английского языка. Соответственно, первое откорректированное слово в Америке было слово «nigger» (негр). Кстати, само слово происходит от испанского negro (черный). То есть прямой оскорбительной информации это слово не несет. Примеры замененных слов:

- 1) Indian-> Indigenous person/ Native American;
- 2) Eskimo-> Native Alaskan;
- 3) Hispanic-> Latina/Latino, Spanish American.

Тем не менее в феврале 2011 г. в американском штате Алабама издательство New South Books пришло к мнению, что им просто необходимо переделать известные во всем мире романы Марка Твена про приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна, написанные в 70–80-х гг. XIX в. на политкорректный лад [5]. Алан Гриббен, ученый-исследователь, занимающийся перефразированием расово-неправильных слов в этих произведениях, заявил, что он ставит своей целью не выхолащивание оригинального авторского текста, а попытку адаптировать его к современным реалиям. Конечно же, новации не могли не встретить критики со стороны пусть не всей, но все же значительной части общественности, ведь вся атмосфера событий, изложенных в романе, передается именно с по-

мощью слов, и автор употреблял их не с целью оскорбления какой-либо расы, а чтобы погрузить читателя в то прошлое.

Но самое обидное то, что тот привычный английский язык, который мы сейчас учим, который складывался веками под воздействием тех или иных исторических процессов, может оскорбить какую-нибудь яркую американку [3]. Борьба с мужской сущностью в английском языке происходит на фоне набирающего обороты феминистического движения. А так как названия некоторых профессий изначально имеют мужской род, то в Америке их стремятся сделать гендерно-нейтральными. То есть те профессии, которые имеют окончание *-man*, должны оканчиваться на *-person* или же быть заменены на другое слово или сочетание слов. А те профессии, которые имеют французское происхождение и родовые окончания, а именно *er, ess*, опять же должны быть либо заменены на другое слово или сочетание слов, или к ним прибавляется нейтральный суффикс *-ron*. Примеры откорректированных слов:

- 1) foreman (начальник) → supervisor;
- 2) chairman (председатель) → chairperson;
- 3) fireman (пожарный) → firefighter;
- 4) policeman (полицейский) → police officer;
- 5) waiter / waitress (официант/официантка) → waitron;
- 6) actor / actress (актер / актриса) → actron;
- 7) steward/stewardess (стюард / стюардесса) → flight attendant.

И, конечно же, ни в коем случае нельзя сказать *If a man wants it, he can get it*. Нужно обязательно заменить это на *If a person wants it, he or she can get it* или *If people want it, they can get it*. Таким образом, если мы хотим сказать абстрактно, не о каком-то конкретном человеке, нельзя использовать слова MAN, SHE, HE. Самым ярким примером этой тенденции являются так называемые «вопросы с хвостиком», которые начинаются со слов *every one* или *everybody*, а заканчиваются «хвостиком» в 3 лице множественном числе.

Еще одна щекотливая тема – это дискриминация людей с ограниченными возможностями [1]. В английском языке она называется «Ableism». С помощью слова «challenged» привычное слово «disable» превращается в более политкорректное «physically challenged». Но на этом все не заканчивается. Если можно заменить одно «некрасивое» слово, то почему бы не поменять другие? Таким образом, есть целый ряд слов, которые были заменены альтернативными, заканчивающимися на «challenged», и неважно, что они не совсем относятся к «Ableism»:

- 1) disabled (с ограниченными возможностями) → physically challenged;
- 2) blind (слепой) → visually challenged;
- 3) dead (мертвый) → metabolically challenged;
- 4) old/young (молодой или старый) → generationally challenged;
- 5) boring (скучный) → conversationally challenged.

В Университете штата Висконсин, в городе Милуоки, США, проходит необычная кампания под названием «**Just Words**» [2]. В рамках ее специальная комиссия университета выпускает памятку со словами, не рекомендуемыми к использованию в стенах кампуса. Среди них оказался термин «политкорректность». Лингвистические и психологические эксперты считают, что его можно вычер-

кнуть из лексикона, потому что его значение на самом деле подразумевает негатив к неполиткорректным людям. Это провоцирует такое явление, как «микроагрессия», сообщает Prison Planet со ссылкой на документ, изданный в университете. Употребление такого двойственного слова может оскорбить интересы тех, кто себя такими не считает.

«Just words»:

1) political correctness – политическая корректность (провоцирует микроагрессию);

2) lame – хромой (высмеивает и игнорирует трудности людей с ампутированными конечностями);

3) lag – отставание (игнорирует различия в целеполагании индивидов);

4) bandit – бандит (игнорирует проблемы бедности, образования и других институциональных барьеров);

5) illegal – нелегал (не признает права иммигрантов);

6) mad – сумасшедший (создает негатив и унижает людей с разными психическими диагнозами).

Политкорректность стала единственным способом мыслить и говорить в США. Если вы озвучите нечто «неправильное», то запросто рискуете потерять работу, а то и угодить на скамью подсудимых. День за днем все СМИ бомбардируют умы американцев примерами того, что «уместно» и «неуместно» говорить сегодня на самые разные темы – и это приносит свои плоды, массы усваивают этот неписанный код. Но «неписанный» – вовсе не значит нереальный. Напротив, год за годом он становится все более категоричным и догматичным. Те, кто находится у власти, очень заинтересованы в том, чтобы научить людей выражаться строго определенным образом, потому что речь в конце концов начинает определять образ мышления.

Данная работа должна заставить читателей задуматься о значении политкорректности. Каждый должен решить для себя сам, какова ее роль в современном обществе. А закончить ее нужно словами из романа-антиутопии Рея Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»: «Цветным не нравится книга «Маленький черный Самбо». Сжечь ее. Белым неприятна «Хижина дяди Тома». Сжечь и ее тоже. Кто-то написал книгу о том, что курение предрасполагает к раку легких. Табачные фабриканты в панике. Сжечь эту книгу... Прочь все, что рождает тревогу. В печку! Похороны нагоняют уныние – это языческий обряд. Упразднить похороны».

Библиографический список

1. Английский язык и политическая корректность [Электронный ресурс] engblog. URL: <http://engblog.ru/political-correctness>
2. В США «политкорректность» сочли не политкорректным термином [Электронный ресурс] / Правда.ру. URL: http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/22-10-2015/1279190-politically_correct-0/
3. Корректный язык [Электронный ресурс] Study.ru. URL: <http://www.study.ru/support/lib/note96.html>
4. Политкорректность [Электронный ресурс] / Академик.- URL: http://greater_political.academic.ru/144/ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ
5. Тома Сойера причешут на политкорректный лад [Электронный ресурс] Информационное агенство. URL: <http://www.interfax.by/article/74723>

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ПРОПАГАНДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО ПЛАКАТА)

Д.П. Едуков, Т.Б. Исаева

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

На фоне стремительного роста населения, а также растущей геополитической напряженности в XX–XXI вв. широкое, как никогда, применение получило явление пропаганды. Она позволяет эффективно распространять среди большой массы людей политические, философские и другие взгляды и идеи с целью внедрения их в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности [3].

Пропаганда находит свое применение во всех сферах жизни общества: политической, социальной, экономической, духовной и их подсистемах. В статье пойдет речь об использовании пропаганды в военной сфере, являющейся частью сферы социальной.

Явление пропаганды чаще всего проявляется в текстах. Это определило выбор материала для исследования – военный плакат Великобритании и США в период их участия в Первой и Второй мировой войне. Цель работы – анализ стилистических средств в таких плакатах.

Эффективность пропаганды в значительной степени зависит от ее языкового оформления. Поэтому при составлении пропагандистских текстов вопросом первоочередной важности является тщательный подбор языковых выразительных средств и стилистических приемов.

В основе любого плаката – а в нашем случае военного – лежат два основных компонента: текст и графическое изображение, которые дополняют друг друга и предназначены современнику для выводов и конкретных действий [7].

Текст плаката, хотя и имеет малый объем, полностью соответствует понятию «текст», определяемому лингвистами: он является связанным во всех смыслах высказыванием, литературно обработан автором, наделяется заданной идеей и преследует практическую цель [4].

Говоря о задачах текста плаката, нужно помнить, что плакат является одним из жанров публицистического стиля речи. Соответственно, он преследует одинаковые с публицистикой задачи: сообщать информацию, воздействовать на массовое сознание, призывать к действию [5]. Является закономерным тот факт, что именно к опыту публицистики обратились составители текстов пропаганды. С латыни этот термин переводится как «подлежащая распространению (вера)».

Итак, целью любой пропаганды и любого пропагандистского текста является воздействие на эмоции и на разум человека. Политологами выделяются позитивное и негативное воздействие.

Позитивная (конструктивная) пропаганда стремится довести до потребителя те или иные убеждения в доходчивой форме. Ее цель – способствовать социаль-

ной гармонии, согласию, воспитанию граждан в соответствии с общепринятыми ценностями, которые зачастую уже существуют в обществе, и которые необходимо поддерживать. В пример можно привести пропаганду здорового образа жизни и спорта; семейных ценностей; здорового питания; патриотизма, и прочее.

Негативная (деструктивная) пропаганда навязывает людям те или иные убеждения по принципу «цель оправдывает средства». Хотя ее цели созвучны с базовыми целями пропаганды, ее задачи и результаты оказываются другими – разжигание социальной вражды, эскалация социальных конфликтов, обострение противоречий в обществе, пробуждение низменных инстинктов у людей. Основная функция негативной пропаганды – создание иллюзорной, параллельной реальности с «перевернутой» системой ценностей, убеждений, взглядов [6].

Можно выделить множество направлений, по которым велась пропаганда с разворотов военных постеров, но перечислим лишь самые популярные.

1. Агитационный плакат, призывающий вступить в ряды армии. Общей цели служили постеры серий:

а. «Lord Kitchener Wants You», первая в своем роде (Великобритания);

б. «Uncle Sam wants you», заимствование идеи англичан (США).

2. Серии плакатов, призывающий не допустить утечку данных о делах страны:

а. «Careless talk costs lives» – обсуждения в публичных местах и радиоэфире, небрежный разговор;

б. «Keep mum, she's not so dumb» – серия предостерегала солдат проявлять бдительность во время близкого контакта с незнакомыми девушками.

3. Постеры, призывающие женщин вступать в отряды наблюдения за небом, подразделения связи, ополчение и прочие вспомогательные отряды: «Specialist Recruiting», «Land Army girl», «They can't get on without us».

4. Плакаты, призывающие граждан поддержать страну работой на фабрике и экономией ресурсов: «Remember – they're relying on you», «The Fighting Forces», «The firm (country) pays for it! Don't waste the oil».

В зависимости от целей пропаганды при составлении текстов политтехнологии и лингвисты использовали для воздействия на разум и эмоции адресата различные стилистические приемы. Стилистические приемы в плакатах позволяли значительно усилить это воздействие и, в соответствии с задачами пропаганды, призвать к действию. Мы выделили наиболее часто встречающиеся средства.

1. Лексический повтор личных местоимений и других лексем:

а) местоимение «you», чтобы выделить причастность каждого гражданина к успеху в войне: «Lord Kitchener wants you»; «Are you doing all you can?»;

б) местоимение «we» с целью подчеркнуть подразумеваемый контраст «свой – чужой»: «We can do it» [изображение: девушка-рабочая со сжатым кулаком];

с) глаголы, заряженные эмоционально: «Attack, attack, attack: buy war bonds».

2. Императивы, помогающие выразить призыв к действию и усилить воздействие на широкую аудиторию, дать своеобразную команду, указание: «Join the army»; «Help to stop the enemy»; «Enlist today»; «Come into the ranks».

3. Разговорная лексика и лексические сокращения для придания «естествен-

ности» и выразительности тексту, для приближения к языку обывателя: «This is our fight, buddy!»; «Come on, gang!»; «Give em the stuff to fight with».

4. Риторический вопросы, обращенные к зрителю, чтобы активировать его позицию: «Is your home worth fighting for? It will be too late to fight when the enemy is at your door. So join to-day».

5. Бессоюзие для придания тексту сжатости и динамичности: «Don't waste the oil – not a drop – not a splash!»; «He talked – they died» [на изображении: мертвые солдаты на поле боя].

6. Эпитеты, заряженные положительно или отрицательно: «Wonderful opportunity for you: United States Navy»; «Loose lips can sink ships».

7. Аллитерация, позволяющая придать лозунгу особую звуковую выразительность: «Munitions, men and money: are you helping to turn it?»

Список можно продолжить и другими приемами. Стоит обратить внимание, что стилистические средства в военном плакате, как и в любом другом тексте, редко используются изолированно. Чаще всего они вводятся комплексно, в рамках конвергенции – схождении в одном месте массива стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции [2]. Конвергенция является средством выдвижения и позволяет адресату декодировать авторскую мысль без искажений.

Примером конвергенции может служить известный плакат «Red Cross Or Iron Cross? Wounded And A Prisoner Our Soldier Cries For Water. The German „Sister“ Pours It On The Ground Before His Eyes. There Is No Woman In Britain Who Would Do It. There Is No Woman In Britain Who Will Forget It». История о бесчеловечной немецкой медсестре и умирающем солдате здесь создается одновременно средствами антитезы, риторического вопроса, языковой игры, лексического повтора, эмоциональных фразеологизмов, и синтаксического параллелизма. Посыл автора можно прочесть только одним путем: немцы жестоки, беспощадны и иррациональны, англичане – их противоположность.

Последний пример иллюстрирует одно из шести правил пропаганды, сформулированных Гарольдом Лассуэлом, американским политологом из опыта Первой мировой войны: «усиливайте веру людей в то, что враг несет ответственность за войну и используйте примеры порочности врага, выдуманные или нет» [1].

Подробно рассмотрев явление пропаганды и, проанализировав стилистические приемы в военном плакате, мы приходим к определенным выводам.

1. Средства пропаганды крайне разнообразны, но все они основываются на использовании текста. Текст военного плаката, в свою очередь, представляется одним из самых ярких примеров деструктивной пропаганды.

2. Задачи пропаганды пересекаются с задачами публицистики: агитация, убеждение, информирование. Поэтому людям, ведущим агитационные кампании, доступен широкий выбор средств распространения пропаганды (листовки, объявления через СМИ, кино, театр, литература, Интернет и прочее).

3. Военный плакат представляет простор для использования как графических, так и стилистических средств выразительности, в совокупности оказываю-

щих сильный убеждающий эффект на зрителя. Такая пропаганда может использоваться деструктивно и имеет ряд последствий: она делает людей послушными и позволяет манипулировать массами в интересах пропагандиста-государства, а также провоцирует обострение социальных конфликтов и создает иллюзорную, параллельную реальность с инвертированной системой ценностей, убеждений, взглядов.

Сила негативной пропаганды велика, она способна разлагать общественную мораль, может спровоцировать межгосударственную и межнациональную ненависть, братоубийство, вызвать в людях низменные инстинкты.

Изучение языка пропаганды может быть использовано для выработки алгоритмов противодействия этому явлению как превентивными (своевременное осознание подверженности такому влиянию), так и реактивными методами (контрпропаганда).

Библиографический список

1. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War (Reprinted with a new introduction, 1971). New York., P. Smith. 1927. P. 25.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов (7-ое издание). М.: Флинта-Наука. 2007. С. 97.
3. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд., т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. С. 27.
4. Гальперин И. Р. «О понятии “текст”». Материалы научной конференции «Лингвистика текста», т. 1. М., 1974. С. 67.
5. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 1091.
6. Цуладзе А. М. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. С. 100–101.
7. Штудинка Ф.Б. Пресса: элекция плакатов Музея дизайна в Цюрихе // Как. 2001. № 2.

ТЕРМИН «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

А.С. Ильичева, Т.Г. Игнатьева

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Актуальность выбранной темы обуславливается антропологической направленностью современных лингвистических исследований, обратившихся к теме взаимосвязи языка и человека, его мышления, духовно-практической деятельности. На сегодняшний день важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Цель статьи – показать различные интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике. В связи с целью выделяем следующие задачи:

- проанализировать различные интерпретации термина «концепт»;
- познакомиться с классификациями концептов;
- изучить структуру и методику описания концепта.

Теоретической базой исследования послужили работы следующих ученых: Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия. В общей сложности нами изучено 23 источника по выбранной теме.

Изучение природы концепта в современной лингвистике занимает одно из центральных мест, поскольку любая попытка осмыслить природу концепта приводит к осознанию факта существования ряда смежных понятий и терминов – прежде всего, это «концепт», «понятие» и «значение». Проблема их дифференциации одна из самых сложно решаемых и, до настоящего времени, дискуссионных в теоретическом современном языкознании.

Термин «концепт» является калькой с латинского «conceptus» – «понятие» от глагола «concipere» – «зачинать». В настоящее время существует проблема разграничения интерпретаций данных терминов.

К примеру, Ю.С. Степанов считает «концепт» и «понятие» терминами разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, тогда как концепт является термином в математической логике, а в последнее время закрепился также в науке о культуре (культурологии) и лингвистике [4]. А.П. Бабушкин считает термины «концепт» и «понятие» тождественными и заявляет о вытеснении из научного обихода термина «понятие»: «сегодня языковеды почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами» [2]. Н.Н. Болдырев, напротив, разводит их: «Если у понятия в общенаучном смысле различают его объем (совокупность вещей, которые охватываются данным понятием) и содержание (совокупность объединенных в нем признаков одного или нескольких предметов), то концепт скорее предполагает только второе – содержание понятия, а также понятийную часть значения, смысл слова».

Многие лингвисты считают объем термина «концепт» значительно более широким, чем лексическое значение и разводят эти понятия (В.И. Карасик, С.А. Аскольдов). Другие исследователи считают, что «концепт» соотносится со словом в одном из его значений (Д.С. Лихачев, В.П. Москвин). Мы присоединяемся к тем ученым, которые полагают, что значение, концепт и понятие – это разные термины, наиболее объемное и широкое из которых – это «концепт» (В.И. Карасик). Обобщив дискуссию ученых при определении терминов «значение», «понятие» и «концепт», можно сказать, что устойчивое и зафиксированное **значение** представляет лишь часть концепта. **Понятие** – это совокупность познанных существенных признаков объекта. **Концепт** – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.).

В настоящее время следует признать, что именно концепт является ключевым понятием современной когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на то, что понятие «концепт» можно считать для современной когнитивистики утвердившимся, содержание этого понятия очень существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых.

Впервые в отечественной науке термин «концепт» был употреблен Сергеем Алексеевичем Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Ученый определил концепт «как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты растение, справедливость, математические концепты)» [2]. Д.С. Лихачев, примерно в это же время, использовал понятие «концепт» для обозначения «обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов». Согласно Краткому словарю когнитивных терминов под редакцией Кубряковой Е.С., «... концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке». Данное определение считается одним из классических, традиционных, наряду с интерпретацией данного термина Юрием Сергеевичем Степановым. Степанов трактует данный термин следующим образом: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [4]. В.В. Красных понимает «концепт» как «... максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные». Помимо классических, традиционных определений, существует множество альтернативных, предложенных разными учеными, например «концепт» – это сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе.

В.А. Маслова объясняет отсутствие единого определения тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей в себя, помимо понятийной основы, ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре.

Несмотря на разнообразие всех подходов к трактовке этого термина, во всех приведенных определениях концепта есть сходства – концепт определяется как объемная в смысловом отношении ментальная единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа.

Проанализировав наиболее общепринятые определения понятия «концепт», мы понимаем этот термин, вслед за В.И. Карасиком, как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта <...> многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны». Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов. Образная сторона – это зрительные, слухо-

вые, тактильные, вкусовые характеристики предметов, явлений, событий, которые в том или ином виде отражены в нашем сознании. Ценностная сторона концепта характеризует важность этого образования, как для индивидуума, так и для коллектива [3].

Говоря о классификациях концептов, необходимо подчеркнуть, что в основу классификаций разные ученые кладут различные признаки. Начнем со структурно-семантической типологии. Так, А.П. Бабушкин классифицирует концепты на лексические и фразеологические [2, с. 12].

В основу дискурсной классификации С.А. Аскольдов и В.И. Карасик кладут «принцип способов освоения» мира – научный, художественный и обыденный, и выделяют в отдельный тип научные, художественные и обыденные концепты [1, с. 267–279; 3, с. 16].

Социологически, Д.С. Лихачев все концепты классифицирует на следующие группы; универсальные (например, «смерть», «жизнь»), этнические («отчизна», «интеллигенция»), групповые («сцена» для актера и зрителя), индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека).

Что касается структуры «концепта», необходимо отметить, что у концепта сложная структура. С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит структуре понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); история, сжатая до основных признаков содержания; современные ассоциации; оценки, коннотации. Структура концепта включает в себя: основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный, исторический) признак; внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) [4]. К настоящему времени исследователями разработано несколько методик описания и изучения концептов, таких как теория профилирования, предложенная Е. Бартминским; теория вертикальных синтаксических полей, разработанная С.М. Прохоровой; теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени (гештальтов), предложенная Л.О. Чернейко и В.А. Долинским; теория вертикального контекста О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет.

Мы будем выделять ядро и периферию концепта, вслед за Р.М. Фрумкиной. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [5].

Изучив научную литературу, посвященную теории «концепта», мы пришли к следующим выводам:

1. Изучению природы концепта в современной когнитивной лингвистике уделяется первостепенное значение, поскольку существует целый ряд смежных понятий и терминов, а именно – «концепт», «понятие» и «значение». Эта проблема является наиболее острой и вызывающей споры среди лингвистов. Одни стремятся отождествить данные термины, другие, в свою очередь, развести их, дифференцировать. Мы присоединяемся к ученым, полагающим, что значение, концепт и понятие – это разные термины.

2. «Концепт» включает «понятие», но не исчерпывается только им, а охватывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное. Он вбирает в себя значения многих лексических единиц.

3. По своему строению, концепт многомерен, что обуславливает возможность различных подходов к определению его структуры.

4. В теоретическом плане, интерпретация термина «концепт» остается открытой по мере развития лингвистики. Термин «концепт» соотносится с концептуальным уровнем языка и англобирует в себе и термин «понятие», и термин «значение».

Библиографический список

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л., 1928.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск, 1996.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. 1992. Серия 2. № 3.

МНОГООБРАЗИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ А.Э. ПО «ЧЕРНЫЙ КОТ»

К.В. Картавенко, Т.П. Бабак

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Художественный стиль обладает рядом характеристик, не свойственных другим стилям. Главной чертой художественного текста является наличие средств выразительности, при помощи которых автор трансформирует слова, воплощая свои идеи в воображении читателей, создавая образы, из которых впоследствии складываются картины. Стилистическое обрамление слова влияет на наше восприятие и понимание, давая возможность глубже понять и почувствовать произведение. Через средства выразительности автор поддерживает контакт с читателем. Каждый писатель, в свойственной именно его стилю манере, применяет в тексте различные стилистические приемы, создавая атмосферу произведения.

Актуальность темы определяется неослабевающим интересом к творчеству американского писателя Аллана Эдгара По, а, именно, к серии его «готических» новелл, многие из которых берутся за основу при создании сценариев фильмов ужасов.

Цель работы – комплексная характеристика средств выразительности, используемых в рассказе «The Black Cat» при помощи, которых автор подчеркивает напряженную обстановку и атмосферу страха.

Все средства выразительности можно разделить на три основные группы: фонетические, лексические и синтаксические.

К фонетическим средствам относятся: аллитерация, ассонанс и другие.

Одним из источников средств изобразительности являются такие лексические средства, как эпитет, метафора, сравнение, метонимия, синекдоха, гиперболла, литота, олицетворение, перифраз, аллегория и ирония.

Не меньшими выразительными способностями обладает синтаксис. Основными синтаксическими средствами являются: повторы, эллипсис, инверсия, параллелизм [1].

Советский лингвист И.Р. Гальперин является автором одной из самых востребованных и признанных классификаций средств выразительности. В основе классификации Гальперина лежит уровневый подход. Лингвист выделяет три группы средств выразительности и стилистических приемов: синтаксические, лексические и лексико-синтаксические [2].

Ю.М. Скребнев является автором одной из современных классификаций. Его авторский подход демонстрирует комбинацию принципов, рассматриваемых в классификации американского профессора Лича, а также уровневый подход, рассматриваемый И.Р. Гальпериним. Тем не менее Ю.М. Скребневу удалось избежать механического наложения двух классификаций друг на друга, в результате чего он создал новую систематизацию стилистических средств. Ученый выстроил четкую языковую иерархию. В основе классификации лежит деление стилистики на два уровня. Каждый уровень делится на пять подуровней: фонетический, лексикологический, синтаксический, морфологический и семасиологический [3].

Аллан Эдгар По является создателем детективного жанра в литературе, но особую популярность имеют «страшные» новеллы. Интерес читателей вызывает мастерское умение описывать чувства и эмоции человека в экстремальных ситуациях, сгущение красок, описание физических и душевных мук и сцены ужасов.

В ходе исследования было отобрано около 60 примеров средств выразительности. В рассказе используются как лексические, так и синтаксические средства выразительности. Среди лексических средств выразительности широко используются эпитеты и метафоры.

Рассказ богат эпитетами, с их помощью А.Э. По помогает увидеть отношение героя к происходящим событиям и явлениям вокруг него: «*the unselfish and self-sacrificing love*» [4, с. 576], «*the bitterest remorse at my heart*», «*buried the axe in her brain*» [4, с. 578], «*the detested creature*» [4, с. 581].

Автор использует метафоры, чтобы продемонстрировать читателю изменения во внутреннем мире, характере и поведении главного героя в рассказе: «*this peculiarity of character grew with my growth*» [4, с. 576], «*the fury of a demon instantly possessed me*» [4, с. 577].

А.Э. По использует художественное сравнение для усиления изобразительного эффекта и создания образности: более ярких, выразительных портретов, выделяя или подчеркивая какой-либо существенный признак изображаемого предмета или явления. Еще одной функцией сравнения в тексте является выражение авторской оценки: «*all black cats as witches in disguise*» [4, с. 576], «*a cry...like the sobbing of a child*» [4, с. 582].

Используя оксюморон, А.Э. По в лаконичной форме подчеркивает нестабильное психологическое состояние главного героя. «*For the most wild, yet most homely narrative which I am about to pen, I neither expect nor solicit belief*» [4, с. 576]. «*...even beyond the reach of the infinite mercy of the Most Merciful and Most Terrible God*» [4, с. 578].

Особую значимость в повествовании играют синтаксические средства выразительности, при помощи которых А.Э. По создает уникальный портрет главного героя – человека с нездоровой психикой. Синтаксические средства добавляются высказыванию рассказчика высокую степень эмоциональности, соответствующую возбужденному состоянию ума говорящего. При помощи инверсии автор делает акцент на болезненном состоянии главного героя:

«*Mad indeed would I be to expect it, in a case where my very senses reject their own evidence. Yet, mad am I not – and very surely do I not dream*» [4, с. 57].

Эмоциональность достигается с помощью использования повтора: «*I grew, day by day, more moody, more irritable, more regardless of the feelings of others*» [4, с. 576]. Алкогольная зависимость разрушила психику главного героя, под ее воздействием главный герой вырезает глаз коту перочинным ножом. Повтор помогает точно передать чувства и эмоции протагониста, которые он испытывает осознав, какой чудовищный поступок он совершил: «*I blush, I burn, I shudder, while I pen the damnable atrocity*» [4, с. 577].

Все вышеперечисленные примеры использования стилистических средств доказывают, что автор активно использует их для создания необходимого ему эмоционально-эстетического эффекта, для передачи всех психологических нюансов состояния рассказчика, динамики их развития.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств. М.: Либроком, 2014. 375 с.
3. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Астрель, АСТ, 2003
4. Edgar Allan Poe А.Е. The Black Cat pp. 576–582 // The Complete Tales and Poems of Edgar Allan Poe Изд-во: Penguin. 1988. 1040 с.

ПЕРЕДАЧА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

К.А. Каур, С.А. Аганова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Существует много различных проблем в сфере перевода. Актуальность данного исследования обусловлена существующим разнообразием передач имен собственных (далее – ИС) на разные языки. Недостаточно изучена и проблема передачи ИС в художественных текстах различной функциональной направленности.

Материалом для данного исследования послужили оригинальный текст поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и два его перевода на английский язык, выполненные Ричардом Певеаром и Ларисой Волхонской в 2000 г. [7] и Д. Хогартом в 1842 году [8].

Имена и названия всегда играли особую роль. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. ИС чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. Они становятся как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым в изучении иностранного языка и переводе с него. Они выполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика. Это ценное свойство ИС, однако, породило распространенную иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и при переводе с него [3].

Выбор ИС в художественном тексте не случаен: давая имя своему персонажу, писатель вкладывает в него некую характеристику. Причем, по мнению А.В. Суперанской, эта характеристика также отражает мировоззрение автора, социальной группы, к которой он принадлежит [6]. Произведение «Мертвые души» Николая Васильевича Гоголя написано в жанре, который сам автор обозначил как поэма. Изначально роман был задуман как трехтомное произведение, сюжет которого был подсказан Н.В. Гоголю Александром Сергеевичем Пушкиным предположительно в сентябре 1831 года [1]. Роман «Мертвые души» является самым известным произведением писателя среди зарубежной аудитории, поэтому поэма имеет большое количество переводов. Первый перевод поэмы «Мертвые души» на английский язык был осуществлен Д. Дж. Хогартом и опубликован в 1842 году. Несмотря на значительное количество переводов, имена героев, большая часть из которых является говорящими, не переводятся, а лишь передаются транскрипцией или транслитерацией.

Имена собственные в «Мертвых душах» приобретают комический и сатирический характер, они являются одним из средств создания портрета, характеристики персонажа, которые мотивированы контекстом. Гоголю удалось вложить в эти говорящие имена тонкую политическую сатиру, подчеркнуть недостатки общественного устоя государства.

При переводе говорящих названий деревень в поместье Манилова Хогарт использовал транслитерацию. Названия деревень **Маниловка** и **Заманиловка** переводчик передал как **Manilovka** и **ZAmanilovka**: «Perhaps you mean Manilovka – not ZAmanilovka?» «Yes, yes – Manilovka» [8]. Хогарт использовал в переводе деревни **Заманиловки** заглавные буквы **Z** и **A** по нескольким причинам: во-первых, читатель видит общую связь между названиями деревень, а, во-вторых, **ZAmanilovka** ассоциируется с владельцем деревни Маниловым. Однако данная ассоциация полностью пропадает, так как иноязычные читатели не соотносят имена собственные с русскими глаголами «манить», «заманить». В словаре Ожегова дается значение: манить – звать, подзывать, делая знаки рукой, взглядом [4].

В случае использования ИС Манилов, Собакевич, Ноздрев, принадлежащих помещикам, автор подчеркивал их характеристикой в контексте. Гоголь описывает **Манилова**, одного из главных героев произведения, как бесполезного про-

зябающую, лживую сущность дворянского общества, которым свойственно пустое и бессмысленное мечтательство и социальный паразитизм его представителей: «...В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» – и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную». «От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор [...] словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно» [2]. Сам Манилов убежден, что он живет в кругу значительных интересов и идей. Но все это лишь жалкий маскарад, прикрывающий внутреннюю пустоту и ничтожество. Переводчики Певеар и Волхонская и Хогарт передали ИС, используя транслитерацию (**Manilov**).

Помещик **Собакевич** – мужчина средних лет. Чичиков называет Собакевича «медведем» за его богатырскую внешность и крупную фигуру: «... медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем...». «...скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформованный помещик...». «...[Собакевич] усадил его [Чичикова] в кресло с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться, и делать разные штуки ...» [2]. Переводчики Певеар и Волхонская сделали сноску, где пояснили значение имени Михайло (Mikhailo, or Mikhail – Misha or Mishka in the diminutive – is the common Russian name for a bear). Такого рода сноска вполне допустима в тексте перевода, но, расширяя контекст, не всегда желательна. Певеар и Волхонская передали ИС, используя транслитерацию (**Sobakevich**), а Хогарт использовал транскрипцию (**Sobakevitch**), можно сказать, что в обоих случаях смысловая нагрузка была утеряна.

Ноздрев – помещик в возрасте 35 лет, любитель ярмарок, балов, пьянок и игры в карты, плохой хозяин. Он почти не занимается своим хозяйством. Главные интересы Ноздрева – собаки и курительные трубки. У Ноздрева в деревне содержится целая псарня. Разбитной Ноздрев проигрывает в карты так, чтобы ни гроша не осталось в кармане, при этом он любит жульничать. Выиграв деньги, он спускает их на кутежи и развлечения.

Автор описывает Ноздрева со слов Чичикова как человека «который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить «ты», хотя, впрочем, он с своей стороны не подал к тому никакого повода...». «... Ноздрев человек – дрянь, Ноздрев может наврать, прибавить, распустишь черт знает что, выйдут еще какие-нибудь сплетни ...» (Чичиков). «Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновение ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем такому, страстишку к картишкам» [2]. Кроме того, фамилия «Ноздрев», по замечанию Н.Л. Степанова, ассоциируется с народным прозвищем «ноздряк», означающим человека, имеющего большие, бросающиеся в глаза ноздри [5]. Такой же за-

метной, «выдающейся» чертой характера героя является его наглость и скандальность. Ноздрев не считает нужным прикрывать свои нечистоплотные поступки какими-либо велеречивыми фразами: он знает, что наглость и откровенная подлость нисколько не зазорны [2]. Певеар и Волхонская передали, используя транскрипцию (**Nozdryov**), а Хогарт передал, используя транслитерацию (**Nozdrev**).

Подводя итог, можно сказать, что переводчик Хогарт использовал для передачи ИС на английский язык транскрипцию и транслитерацию, чтобы сохранить звучание. Переводчики Певеар и Волхонская тоже использовали транскрипцию и транслитерацию, но им все-таки удалось адекватно перевести некоторые говорящие ИС, например, Елизавета Воробей – *Elizaveta Sparrow*, в словаре Адамчика *sparrow* переводится как воробей. Можно сказать, что среди традиционных способов передачи говорящих ИС на английский язык нет идеального способа перевода, который позволил бы сохранить национальный колорит, внутреннюю семантику и эмоциональную окраску ИС, тем самым сохранив сатирическую функцию ИС в тексте перевода.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. Вступительная статья В.И. Кулешова; комментарии А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М.: Художественная литература, 1983 (Серия литературных мемуаров).
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. М.: Азбука, 2012. 352 с.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.
5. Степанов Ю.С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. Суперанская А.В. Ваше имя? Рассказы об именах разных народов. М.: Армада-пресс, 2001. 256 с.
7. Gogol N. *Dead Souls* / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. NY; London : Everyman«s Library, 1996. 443 p.
8. Gogol N. *Dead Souls* [Электронный ресурс] / translation by C. J. Hogarth. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Dead_Souls

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ NOUN + ADJ)

И.Е. Кламер, И.А. Битнер

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Лексико-грамматические единицы типа **NOUN + ADJ** широко употребляются в современном английском языке и представляют собой моделируемые, продуктивные конструкции, в которых четко прослеживается использование компонентов во вторичных частеречных функциях, что отражает полевое строение частей речи как синтаксически детерминированных классов слов в современном

английском языке. Так, в исследуемых конструкциях существительное выступает в функции определения к прилагательному, то есть, очевидно, выполняет функцию интенсификации его значения.

Предлагаемая работа посвящена изучению метафорической интенсификации значений прилагательных на примере модели NOUN+ADJ (razor sharp, monkey drunk, dirt cheap). Проблемы, исследуемые в работе, рассматриваются с точки зрения семантики и грамматических особенностей строя английского языка.

Значимость категории полифункциональности частей речи в английском языке, обеспечивающей эмоциональность и гибкость системы, а также семантической категории интенсивности, способствующей актуализации экспрессивного потенциала языка, определяют актуальность выбранной темы.

Частотное употребление данных единиц и их высокий экспрессивный потенциал неоднократно привлекали внимание отечественных ученых-лингвистов. Среди них – В.Д. Аракин, И.В. Арнольд, которые анализировали представленные конструкции с позиции их статуса в языковой системе, В.П. Берков, исследующий в типологическом аспекте, А. Вежбицкая, Л.А. Козлова, которые рассматривали данное явление в когнитивном аспекте.

Объектом данного исследования являются лексико-грамматические конструкции типа NOUN + ADJ, в составе которых существительное выполняет роль интенсификатора признака, называемого прилагательным.

Предметом исследования является метафорическая интенсификация значений английских прилагательных.

Цель работы определяется выявлением и описанием метафорической интенсификации значений прилагательных в составе конструкций типа NOUN + ADJ.

Основной функцией словосочетаний является номинативная. В широком смысле объект исследования используется как единица расчлененной номинации, что определяет необходимость рассмотрения основных принципов этой области лингвистики.

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» В.Н. Ярцевой, «Номинация – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу». Результаты номинации создают словосочетания, а впоследствии строят предложения.

Существует деление номинации по типу средств: словообразование, синтаксическая транспозиция, а также семантическая транспозиция, при которой синтаксический облик не изменяется, а результатом является образование многозначных слов. К такому типу транспозиции можно отнести образование словосочетаний с метафорическими интенсификаторами типа Noun + Adjective.

Принято считать, что существует 2 вида номинации: автономная и неавтономная (косвенная). Данная классификация исходит из признака указания именем на действительность.

Автономная номинация осуществляется на основе одного имени, транслируя прямое значение слова. В случае косвенной номинации единица словосочетания косвенно соотносится со своим обозначением. Например, в словосочетаниях «sun bright» и «sun yellow» существительное «sun» соотносится с обозначениями «bright» и «yellow» только при значениях опорных наименований «яркий, желтый», имея добавочное метафорическое значение, тем самым обозначая признак опорного наименования [1].

Таким образом, образование метафорических словосочетаний происходит как процесс семантического переосмысления словосочетаний в целом, представляя нетипичный случай неавтономной номинации. Исходя из этого, выбор двух компонентов словосочетаний такого типа зависит семантически от ключевых для них слов, которые могут образовывать единое закрепленное значение, обладающее эмоциональной метафорической окраской.

Исходя из вышесказанного, словосочетание типа Noun + Adjective следует считать раздельно оформленной единицей номинации, состоящей из двух грамматических единиц, одна из которых – интенсификатор, представляет собой субъективно-модульный компонент неавтономной номинации [2].

В связи с тем что исследуемые конструкции являются нетипичным случаем словосочетаний из-за осуществления вторичных функций как для существительного, так и для прилагательного, очень важно определить их принадлежность к одному из типов словосочетаний. Один из принципов классификации словосочетаний предполагает выделение их типов в зависимости от принадлежности стержневого слова к той или иной части речи. Так, выделяют 3 типа словосочетаний:

- 1) глагольные словосочетания (to see smth);
- 2) именные словосочетания (a newspaper article, an article of clothing);
- 3) адъективные словосочетания (free from smth, free with smb).

Согласно данной классификации словосочетание типа NOUN + ADJECTIVE, например, cucumber cool представляют собой словосочетания адъективного типа, так как главным словом в представленных словосочетаниях является прилагательное (cool), а роль зависимого слова выполняет существительное.

Говоря об определении статуса данной лексико-грамматической модели, заметим, что многочисленные результаты исследований показывают, что рационально рассматривать статус и семантику грамматических единиц типа Noun + Adjective с точки зрения системно-функционального подхода. Такой подход предполагает, что слово, принадлежащее к одной части речи при изменении синтаксической позиции, свойственной другой части речи, может реализовывать свои вторичные синтаксические функции, сохраняя при этом свою частеречную принадлежность [3].

На наш взгляд, данный подход является более релевантным, нежели чем словообразовательный, который игнорирует признаки словосочетания (не слитность написания компонентов, подчинительная связь между составляющими) и синтаксический, где пренебрегается принадлежность первого компонента, т. е. существительного к своей части речи, и определяется как наречие меры и степени.

Следовательно, представленные лексико-грамматические конструкции являются собой словосочетания адъективного типа. Следует добавить, что интенсификация признака, который называет прилагательное, реализуется за счет имени существительного, являющегося эталоном данного признака в английском языке и культуре.

В связи с отсутствием в английском языке релевантного наречия меры и степени транспозиция существительных берет на себя роль наречия, выполняя компенсирующую функцию. Что находит подтверждение в многочисленных рекламных текстах, где транспозиция существительного brand, сочетающегося с прилагательным new, замещает наречие меры и степени, придавая значение «обновленный, качественно новый». Данное явление можно проиллюстрировать следующим примером: «They will fly with with KLM Royal Dutch Airlines, on their brand new route from Heathrow to San Francisco via Amsterdam, and stay for six nights at the Tuscan Inn, the newest hotel on the world-famous Fisherman's Wharf» [5].

На данном этапе исследования представляется возможным классифицировать следующие группы по семантической направленности интенсификатора: цвет (glade green, pumpkin yellow, salamander red) температура (fish cold, ice cold, stone cold), текстура (petal soft, dolphin slippery, snake smooth), состояние человека: lord drunk, plenty drunk, plumb drunk), внешность (little-girl wide-eyed), свойства предметов (razor sharp, rapier keen, needle sharp), названия штатов и городов (Minnesota nice, Oxford blue), периоды времени (night black, midnight blue, sunrise pink).

Таким образом, исследуемая адъективная модель NOUN + ADJ, в состав которой входит существительное как интенсификатор признака прилагательного и прилагательное, выполняющее роль стержневого слова, является крайне эмоциональной и экспрессивной конструкцией в современном английском языке, которая подтверждает одну из характеристик его строя – полифункциональность частей речи. Используясь во вторичной синтаксической функции, существительное играет компенсирующую роль, восполняя лакуны эмоционально-окрашенных наречий, которые в своей основной функции универсально выступают интенсификаторами значений прилагательных.

Библиографический список

1. Аксельруд Д.А. К вопросу о вторичной номинации в транспозициях // Вторичная номинация в современном английском языке: Межвуз. сб. науч. трудов. Пятигорск, 1987. С. 25–32.
2. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи [Электронный ресурс]. В.: ВГПУ, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/intensifikatsiya-i-intensifikatory-v-yazyke-i-rechi>.
3. Везнер И.А. Ассоциативный потенциал существительных и его реализация в процессах метафорической интенсификации: автореф. дис. ... канд. фил. наук (10.02.04). Барнаул, 2004. 7 с.
4. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия 1998. 470 с.
5. London: Mirror Group Newspapers // The Daily Mirror. 1992. 9942 s-units.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

А.В. Колесова, Л.Р. Тимохина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Категория диминутивности является одной из наиболее сложных и недостаточно изученных тем языкознания. Изучение диминутивов английского языка привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов. В настоящее время существует ряд работ, посвященных анализу словообразовательных, стилистических, гендерных особенностей диминутивов и способов их перевода [1; 3; 4].

Диминутивность является одним из частных проявлений категории количества. Она представляет собой понятийную категорию, в которой находят свое выражение концепты уменьшительности, экспрессивности и оценочности. Традиционно к основным значениям диминутива относятся «уменьшительное», «ласкательное», «уменьшительно-ласкательное» или «уменьшительно-уничижительное» [5].

Следует отметить, что, хотя в английском языке диминутивность носит более узкий характер по сравнению с русским языком, она остается довольно востребованной в определенных коммуникативных сферах. Так, например, диминутивы широко распространены в ситуации общения с детьми, когда позитивное отношение к ребенку распространяется на вещи, его окружающие, на ситуацию, на самого ребенка.

В ситуации общения с детьми основной прагматической функцией диминутива исследователи называют создание знакомого мира. Матери пытаются познакомить детей со своим окружением и подчеркнуть схожую малость предметов, окружающих детей, по сравнению с вещами, окружающими взрослых. Такие различия играют важную роль, так как они способствуют обеспечению эмоционального комфорта ребенка.

Материалом для данного исследования послужил сборник «Mother Goose's Rhymes» (Сказки матушки Гусыни), в котором собраны детские песенки для детей, получившие широкое распространение в Великобритании и других странах. «Сказки матушки Гусыни» называют одной из наиболее читаемых английских книг, где собраны песенки, которые напевают малышам няньки, поэтому их называют часто «Мелодии», или «Рифмы Матушки Гусыни».

Анализ текстов английских стихотворений обнаруживает продуктивное использование диминутивов. Их функционирование в текстах обусловлено, прежде всего, ориентацией на соответствующую читательскую аудиторию. Зная, что стихи будут обращены к детям, автор использует соответствующую лексику и художественные приемы. Виды диминутивов в текстах детских стихотворений разнообразны и отличаются особенностями употребления.

В рассмотренных стихотворениях частотно используется образование диминутивов путем редупликации, т. е. удвоения начального слога, основы (полностью или частично) или слова:

Humpty Dumpty

Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall.
All the king's horses and all the king's men
Couldn't put Humpty together again.

В переводе С.Я. Маршака, Humpty Dumpty – Шалтай-Болтай. Также Humpty Dumpty имеет значение «толстенький коротышка». На иллюстрациях Humpty Dumpty обычно изображается как яйцо, но в некоторых версиях Humpty Dumpty изображался как мальчик.

Itsy Bitsy Spider

The Itsy Bitsy Spider crawled up the water spout.
Down came the rain, and washed the spider out.
Out came the sun, and dried up all the rain,
And the Itsy Bitsy Spider went up the spout again.

Itsy Bitsy, а также Incy Wincy, Eensy Weensy, Inky Binky и другие варианты, скорее всего, основаны на «itty-bitty; itsy-bitsy» (крохотный, малюсенький), что является детским произношением фразы «a little bit» (чуть-чуть).

Данные примеры диминутивов носят разговорный и неофициальный характер, они служат целям выразительности и создания непринужденной атмосферы. В современных исследованиях отмечается стилистическая маркированность и выразительность диминутивов [2, с. 65].

Наряду с этим достаточно активно используемым приемом является употребление соответствующих прилагательных, придающих высказыванию уменьшительно-ласкательный оттенок: little, pretty, pussy, dear, sweetie.

Little Polly Flinders

Little Polly Flinders
Sat among the cinders
Warming her pretty little toes.
Her mother came and caught her,
And whipped her little daughter
For spoiling her nice new clothes.

Pussy-cat, pussy-cat

Pussy-cat, pussy-cat, where have you been?
I've been to London to look at the Queen.
Pussy-cat, pussy-cat, what did you do there?
I frightened a little mouse under the chair.

Диминутивные прилагательные в приведенных примерах не указывают непосредственно на степень присутствия признака в предмете, однако они косвенно обозначают малый размер предмета и адресуют стихи детской аудитории.

Следующая группа диминутивов образована суффиксальным способом. Использование суффиксов – это один из способов выражения категории уменьши-

тельности. При помощи диминутивного суффикса говорящий выделяет тот или иной объект или явления из разряда обычных, проявляя по отношению к нему свою особую симпатию. Широкое распространение получили такие суффиксы, как -ling, -let, -kin, -y.

Diddle, diddle, dumpling

Diddle, diddle, dumpling, my son John

Went to bed with his trousers on,

One shoe off, the other shoe on,

Diddle, diddle, dumpling, my son John.

dumpling – клецка, пышка; переносное значение: пышка, коротышка.

Dance to your daddy

Dance to your daddy,

My little baby.

Dance to your daddy,

My little lamb.

You shall have a fishy

In a little dishy.

You shall have a fishy

When the boat comes in.

Слова «fishy; dishy» (рыбка, рыбочка; тарелочка) – из детского языка; в обычном языке это «fish; dish» (рыба; тарелка, блюдо).

Сема диминутивности в данном примере направлена на создание неформальной, доверительной атмосферы и показывает, что участник коммуникации и адресат высказывания – маленький ребенок.

Следующий пример иллюстрирует комплексное использование диминутивов разных групп:

Bye, baby bunting

Bye, baby bunting.

Daddy's gone a-hunting,

To get a little rabbit skin

To wrap the baby bunting in.

Атмосфера доверительного общения с ребенком задается в самом начале употреблением лексемы «bye», заимствованной из колыбельных песен. Лексема «baby» (детка, дитя, малыш, малышка), которая может называть мальчика или девочку, обладает диминутивной семантикой, передающей положительную оценку референту. Лексема bunting имеет значение «птичка, лапочка; пухленький» и обычно поется как колыбельная. Уменьшительно-ласкательный суффикс в слове daddy характерен для детской речи и эксплицирует номинацию родного человека.

Специфика языка детской поэзии, ее основные свойства и характеристики обуславливает использование диминутивов, придающих тексту дополнительную информативность и национально-культурное своеобразие. В текстах детских стихотворений диминутивы вступают в парадигматические отношения с нейтральной лексикой и приобретают под воздействием контекста дополнительные сти-

листические характеристики. Стилистическая маркированность диминутивов обусловлена, кроме того, их необычным звучанием. Особый специфический характер диминутивов и их выделяемость на фоне контекста обеспечивают высокий прагматический потенциал и позволяют использовать диминутивы для привлечения внимания, повышения информативности текста, оказания определенного воздействия на читателей.

Библиографический список

1. Буряковская А.А. Диминутивность в различных стилистическо-функциональных типах дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 53–58.
2. Ибрагимова Э.И. Редупликация в английском языке // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 65–67.
3. Резниченко Л.Ю. Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. №. 2. С. 112–114.
4. Рутковская Г.Л., Строкина Л.А. Диминутивы в произведениях Ф.М. Достоевского и особенности их перевода на английский язык // Вологодские чтения. 2008. № 66. С. 132–138.
5. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. М., 1980. 743 с.

РОЛЬ СОЦИОЛЕКТОВ В ПОПОЛНЕНИИ УЗУАЛЬНОГО ФОНДА СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В.А. Курышева, Н.С. Потылицина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

На данном этапе развития социолингвистики возрастает интерес к изучению различных вариантов существования языка. Помимо литературной формы изучаются его отдельные функционально-речевые разновидности, прежде всего разговорная речь, профессиональные жаргоны, язык СМИ, территориальные и социальные диалекты. Интерес среди ученых к изучению французского социолекта возрастает, однако существует проблема комплексного анализа лексики и классификации способов формирования социолекта во французском языке как источника пополнения фонда литературного языка. В данной статье уделяется внимание исследованию некоторых тенденций в формировании и проникновении социолектов в общеупотребительную, нормативную лексику современного французского языка.

Любой язык в определенной форме своего существования может выступать как конкретно-историческая социальная норма. Языковая норма в современном языкознании трактуется как совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отображенных и закрепленных обще-

ственной языковой практикой. Языковая норма динамична и относительно изменчива, т.к. зависит от условий, в которых осуществляется речь, в чем проявляется ее коммуникативная целесообразность [1, с. 25].

Наиболее используемые языковые единицы, обыденные для всего общества, находят свое отражение в узуальном фонде. Слова и выражения узуального фонда составляют базу *le français standard* (нормированный французский язык) и употребляются представителями различных социальных слоев населения там, где французский язык служит средством общения [4, с. 83].

Все разновидности языка, согласно В.Г. Гаку [3, с. 127], – и социофункциональные и функциональные – принадлежат одному языку, соответственно имеют общее ядро – нейтральный регистр или уровень языка. Все разновидности различаются по отношению к нейтральному регистру (уровню). Некоторые разновидности находятся ниже нейтрального уровня, другие выше; они располагаются таким образом: книжная речь – нейтральный уровень – разговорная речь – просторечие – арго. Профессиональная речь может быть как литературной, так и арготической. Жаргоны могут образовываться как от арго, так и от литературной речи.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что нормы языка претерпевают изменения и их границы являются нежесткими. Каждая разновидность речи внутри языка неоднородна. Вследствие этого, узуальный фонд постоянно претерпевает изменения с течением времени, пополняясь различными модификациями, так как является наиболее чувствительной частью языка, реагируя на изменения во всех областях жизни общества. Один из способов пополнения узуального фонда языка – использование в литературе и в средствах массовой информации различных видов социолектов, таких как профессиональные «языки», включающие в себя профессиональный жаргон и терминологию, групповые жаргоны, арго и жаргон деклассированных.

Термин «социолект» является относительно новым, так как возник в лингвистике только во второй половине XX в. Он образован из двух частей – «социо-», указывающей на отношение к обществу, и второго компонента слова «диалект». Социолектом называют совокупность особенностей единиц языка, присущих какой-либо социальной группе – сословной, профессиональной, возрастной, и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка [1, с. 30]. Данный термин является подходящим для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, но обладающих общим признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей.

Согласно классификации В.Д. Бондалетова [2, с. 69], к социальным диалектам относятся:

- 1) собственно профессиональные «языки» – терминологические лексические системы и профессиональные жаргоны;
- 2) групповые или корпоративные жаргоны, например, школьников, студентов, спортсменов, солдат, интернет-пользователей и других, главным образом, молодежных коллективов;
- 3) условные языки (арго) – разновидность речи закрытой группы людей.

В нашей работе основное внимание было уделено французской современной прессе, так как именно эта сфера общественной жизни наиболее ярко отражает текущие тенденции в развитии общеупотребительного фонда лексики. В результате изучения материала для исследования, полученного из таких изданий, как *Le Figaro*, *Le monde*, *L'Express*, *ELLE*, *Télérama*, мы можем сделать вывод, что из общего количества найденных примеров 63 % составляют социальные жаргоны и аргы, 37 % – профессиональные жаргоны и терминология.

Профессиональные «языки» – «*jargons ou les argots professionnels*» (профессиональные жаргоны или аргы) – это специальные языки групп людей, представляющих какое-либо ремесло или профессию. Данный термин включает в себя специализированную лексику, под которой следует понимать различную терминологию (в области техники, науки, медицины и т.д.) и профессионализмы, т. е. профессиональные жаргоны, несущие эмоциональный оттенок [2, с. 70].

В группе профессиональных жаргонов и терминологии результаты исследования показывают, что наиболее частотными в употреблении являются термины из области информационных и промышленных технологий (составляют 40 % от общего количества примеров профессиональных «языков»), а также из области экономики и финансов (42 %). Менее употребительными являются термины из области медицины, психологии (10 %), общественно-политической сферы (8 %).

Стремительное развитие информационных технологий значительно обогатило фонд общеупотребительной лексики. Ежегодно словари фиксируют слова, отображающие новые понятия, образованные по французским словообразовательным моделям, либо заимствованные из английского языка: *portable*, *cellulaire*, *smartphone*, *blog*, *wifi*, *appli* и т.д. Так, в 2015 г. Larousse ввел такие лексемы, как *selfies*, *bitcoins*, определяя их следующим образом: *un bitcoin* – «*unité monétaire que l'on utilise sur internet*» (денежная единица, используемая в Интернете), *un selfie* – «*égoportrait, autoportrait numérique*» (цифровой автопортрет).

Экономическая сфера также оказывает влияние на узуальный фонд. Например, в связи с апрельскими событиями 2016 г., связанными с утечкой конфиденциальных документов панамской юридической компании Mossack Fonseca, проводящей расследования на наличие скрытой собственности политиков, в средствах массовой информации появилось большое количество статей, описывающих все детали «Панамских документов». Эти статьи изобиливали терминами из области экономики и финансов. Национальная газета *Le monde*, в свою очередь, в одном из выпусков составила своеобразный словарь, в котором подробно описываются все экономические термины, чтобы облегчить читателям понимание статей, освещающих вышеупомянутые события. *Le monde* описал такие термины, как *compliance* (комплаенс, англ. *compliance* – согласие, соответствие), *évasion fiscale* (сокрытие суммы от обложения налогом, лат. *fiscus* – корзина; касса, казна, финансы), *société-écran* (подставная фирма, или Шелл-компания), *société offshore* (офшор, англ. *offshore* – вне берега), *trust* (траст, англ. *trust* – доверие) или *fiduciaire* (лат. *fiducia* – доверие). Все представ-

ленные термины находят свое отражение в словаре Larousse, кроме того, термин *blanchiment d'argent* (отмывание денег), также входит в состав словаря аргос *Bob: Dictionnaire d'argot*. Это говорит о том, что люди порой вынуждены разбираться в экономических терминах, используемых в СМИ, чтобы быть в курсе последних событий. Таким образом, специфическая терминология проникает в узуальный фонд лексики.

Результаты исследования показывают, что в группе социальных жаргонов и аргос примеры жаргонов составляют 27 %, примеры аргос – 73 %. Групповые жаргоны – это лексические единицы, порожденные «стремлением дать общеизвестным понятиям свое обозначение, отличающееся новизной и экспрессией» [2, с. 72]. Аргос, в свою очередь – это «социальная разновидность речи замкнутой группы людей, непонятная для непосвященных» [3, с. 132].

Современное французское аргос – сложная система разновидностей речи с расплывчатыми границами. Его ядро – «общее аргос» – речь преступного мира, которая в значительной мере утратила свой тайный характер. Несмотря на это, имеются действительно «тайные» языки, в которых происходит специальное искажение слов. Например, «*janavais*», где в каждое слово вставляется слог *va*: *jave nave save pava* = *je ne sais pas*. Примерами «тайных» языков также служит «*franglais*» (*français* + *anglais*) – заимствования англ. слов, сохраняющие французское произношение (*cool, relax, le walkman*) и «*verlan*» (фр. *à l'enver* – наоборот) – согласные звуки в обратном порядке, гласные меняются на *eu* (*arabe* – *beur* (араб), *mec* – *keum* (парень), *mère* – *reum* (мать)). Таким образом, аргос в сфере лексики проявляет необыкновенную активность, используя также переосмысление общеупотребительных слов, их фонетические изменения, своеобразные суффиксы, заимствования, словосочетания, создавая обширный словарь.

Речь журналистов во французской прессе часто изобилует арготическими словами и выражениями. В статье газеты *L'express*, посвященной описанию детективных романов, вышедших в 2016 г., в заголовке статьи был употреблен арготизм *rolag* (детектив, детективный роман). Для детективного жанра характерно использование стилистически сниженной лексики, но журналисты, проводя обзор книг, использовали аргос непосредственно в своей речи, не приводя цитаты из книг как примеры речи их авторов, что стилистически оправдало бы употребление данной лексики в прессе. Приведем несколько ярких примеров: *caïd* (главарь банды), *junkie* (наркоман, американский арготизм), *nicher* (проживать, обитать, образованное от *le nid* – гнездо, первоначальный смысл «гнездиться»), *crétin* (кретин), *concocter* (варганить), *flic* (мент; заимствовано из немецкого уголовного жаргона), *rognon* (деньги), *clodo* (бомж; аббревиатура от слова *clochard* – нищий, бедняк, бродяга), *connasse* (стерва), *salope* (грязная женщина), а также выражения *gros bras* (крепкий парень, телохранитель) и *diablement* (чертовски).

Исследовав различные виды социолектов, мы приходим к выводу, что использование специальной лексики в сфере информационных технологий и экономики, употребление интернет-жаргона и различных арготизмов является основными средствами обогащения узуального фонда французского языка. Рассмотрен-

ные нами социальные модификации языка также доказывают положение о том, что в лексике современного французского языка отсутствуют четкие границы между разговорным, просторечным и арготическим уровнями.

Библиографический список

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
3. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М.: Просвещение, 1977. 184 с.
4. Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А., Лопатникова Т. Н. Лексикология современного французского языка. 5-е изд., испр. М: Высш. шк., 2006. 335 с.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК?

А.А. Лелюк Л.Р. Тимохина

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

По данным экспертов, уже около четверти населения Земли говорит на английском достаточно хорошо. Никогда еще в истории не было языка, на котором бы там много разговаривали. И уже не просто потому, что существуют такие мировые компании, как Google, Samsung, Coca-Cola или McDonald's, которые ведут свой бизнес исключительно на английском, а потому что он стал языком, на котором русские обращаются к вьетнамцам или немцы к индонезийцам. Иначе говоря, английский язык имеет статус международного языка. В словаре «Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics» есть такое определение термина «международный язык»: «a language in widespread use as a foreign language or second language of international communication. English is the most widely used international language». Язык, получивший широкое распространение как иностранный или второй язык международного общения.

Но с другой стороны, английский уже принадлежит не только его носителям. Ибо число людей, говорящих на английском языке не как на основном, превысило количество настоящих носителей примерно в три раза. Тем самым мы вступили в эпоху «лингвистической революции», или глобального билингвизма, под которым понимается умение вести коммуникацию на двух языках, которыми индивид может владеть не в равной степени. Отсюда вытекает вопрос: А чьим языком будет английский в будущем?

Число не-носителей неуклонно растет. И все они привносят свои небольшие изменения в английский язык, даже мы. Вне сомнения, многие люди, изучающие английский язык, не раз теряли 3-е лицо у глаголов. Более того, по данным опроса, проведенного среди английских подростков, большинство школьников употребляет форму 3-его лица ед.ч. только при общении с учителями, родителями, взрослыми. При общении со сверстниками же они ее опускают. Возможно люди, изучающие английский язык, сыграли здесь далеко не последнюю роль в своем

стремлении все упростить. Также к самым распространенным ошибкам можно отнести неправильное употребление предлогов. Например, Phone to smb, discuss about smth или wait someone. Самой же распространенной ошибкой среди изучающих английский язык является слово «clothes». Оно употребляется только во множественном числе и произносится как /kləʊðz/. Неправильный вариант произношения многие русскоязычные студенты запомнили из школы, ведь там, как правило, учили говорить /kləʊðəz/. Возможно, это связано с тем, что нам трудно произнести вместе на первый взгляд похожие звуки /ð/ и /z/, поэтому мы упрощаем себе работу и вставляем между ними гласный звук – так слово произносится легче. Более того, в связи с тем, что эта ошибка настолько распространена, некоторые люди даже из других стран начинают полагать, что это и есть единственно-верный вариант произношения.

Однако многие носители английского языка станут утверждать, что это ошибки, и не только они, мы тоже соглашаемся с ними. Тем не менее язык меняется, и меняются нормы грамматической правильности. Так, иногда вместо привычного нам feet уже можно встретить foots.

В истории английского языка примеров влияния иностранцев на язык предостаточно. Так, например, когда-то вместо древнеанглийского слова goldhoard – сокровище, стало употребляться французское слово trésor, совр. англ. treasure. Более того, те, кто изучали французский язык или немного знакомы с ним, могли заметить, что в английском языке очень много слов французского происхождения, например, gouvernement – government, parlement – parliament или apparaître – appear, т.е. можно сказать, что так сложилось исторически, что в английском языке очень мало своих, «родных» слов. Он, как никакой другой язык, полон заимствований и главная причина этому – его глобализация. По мнению Тер-Минасовой, «став языком международного общения, английский язык как бы перешел во всеобщее пользование, стал всеобщим, международным, глобальным достоянием».

Тем не менее скорость изменения в языке зависит, прежде всего, от того, насколько интенсивны контакты языка с другими соседними языками, особенно не принадлежащими к этому же языковому типу. А так как английский язык является международным, то контакты с разноструктурными языками будут происходить хаотично.

И все-таки на протяжении примерно 1000 лет английский язык смог утратить практически всю свою грамматическую систему, которая когда-то была очень похожа на систему русского языка. В древнеанглийском языке было от 4 до 5 падежей, глагол спрягался в достаточно большом количестве временных форм, язык был сильно похож на русский по своей структуре. Современный английский язык ничего этого не знает: именные падежи практически исчезли, глагольное спряжение практически исчезло; таким образом, английский язык на всех парах движется к тому состоянию изолирующего языка, который, например, представляет собой современный китайский язык. Английский словно разорвали на части другие языки.

В заключение следует отметить, что английский язык был достаточно исторически удачливым, чтобы стать международным языком. И дело не только в его простоте, а в его открытости к переменам. В английском языке постоянно появляются новые заимствования или калькированные слова, неологизмы, сокращения, транслитерации и т.п. Таким образом, только за 2013 г. Oxford Dictionaries пополнился восемью новыми словами. Именно такая предрасположенность к новым словам делает английский язык – языком мира, и именно поэтому в современном обществе он уже не принадлежит ни носителям, ни изучающим его.

Библиографический список

1. Красикова Е.Н. Глобализация английского языка в мультикультурной среде. Ставрополь, 2014. 5 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Глобальный английский: чем это угрожает англоязычным народам? М., 2014.
3. Barber Ch. Linguistic Change in Present-day English. London, 1966. 320 p.
4. Clive Oxenden & Christina Latham-Koen. NEF Advanced. Oxford, 2010. 168 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОКСЮМОРОННЫХ СОЧЕТАНИЙ

М.А. Маркова, И.А. Битнер

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Стилистические приемы и их функционирование в языке являются объектом многочисленных исследований. Тропы как стилистические приемы занимают особое место в теории исследований в таких разделах лингвистики, как стилистика, семантика, синтаксис и прагматика. Такие тропы, как эпитет, метафора, метонимия являются объектом большинства исследований подобного рода. Оксюморон, будучи не так широко используем в литературном и разговорном языках и, соответственно, недостаточно изученный во всех вышеперечисленных разделах лингвистики, побудил нас к исследованию лингвистических особенностей оксюморонных сочетаний, актуальность которого обусловлена функциональной, а также онтологической значимостью исследуемых единиц.

Оксюморон как вид тропеического стилистического приема традиционно понимается как комбинация двух слов (обычно прилагательного и существительного или наречия и прилагательного), значения которых противоположны друг другу [7]. К примеру: «low skyscraper», «sweet sorrow», «nice rascal», «pleasantly ugly face», «awfully sorry». Оксюморон представляет собой средство создания алогизма в художественном контексте, основанное на противоречии [6]. Характерными чертами этой группы средств выступают в первую очередь наличие противоречия между отдельными составляющими контекста и, как следствие, эксплицитно выраженное или имплицитно подразумеваемое отрицание одних текстовых составляющих другими, а также одновременная реализация отношений контра-

ста и тождества между элементами контекста [4]. Оксюморон раскрывает противоречивость описываемого явления, поскольку является фигурой речи, соединяющей два антонимичных понятия или два слова, противоречащих друг другу по смыслу [2], а также трактуется как троп, состоящий в соединении двух контрастных по значению слов [1]. Оксюморон реализуется в рамках словосочетания и предполагает сознательное использование автором средств не прямой номинации смысла. Он относится к фигурам противоположности, в основе которых заложен принцип совмещения лексических значений, обуславливающий возникновение третьего предметно-смыслового образа [3].

Противоречивость и необычность противопоставляемых в оксюмороне лексических единиц обеспечивает неоднозначность его трактовки и позволяет причислить его к тропу, обладающему сложной структурой, у которой внешне выраженные языковые единицы сочетаются с элементом построения выразительного смысла, возникающего вследствие одновременного проявления отношений контраста и тождества между лексическими единицами, которые и образуют оксюморонное сочетание.

Лингвистические исследования в области структуры и анализ стилистических особенностей оксюморонных сочетаний позволил Л.И. Татановой классифицировать явление «оксюморон» на два типа – структурный и стилистический.

Структурные сочетания можно подразделить на двухкомпонентные и многокомпонентные. В зависимости от принадлежности синтаксически главного слова простого (двухкомпонентного) оксюморонного сочетания к соответствующей части речи, а именно к существительному, прилагательному или глаголу, выделяются именные и глагольные оксюморонные сочетания [5].

К именным оксюморонным сочетаниям относятся субстантивные, где грамматически главное слово – существительное. Вторым компонентом сочетания могут служить как прилагательное, так и существительное. К примеру: «great depression», «big baby», «only choice», «sweet agony», «jumbo shrimp».

Также к именным оксюморонным сочетаниям относятся адъективные сочетания, где грамматически главное слово – прилагательное. Чаще всего вторым компонентом подобного рода оксюморонных сочетаний будут выступать наречие или прилагательное: «awfully pretty», «naturally strange», «typically odd», «happy sad», «least favorite».

В глагольных оксюморонных сочетаниях главным грамматическим словом будут выступать личные и неличные формы глагола: «growing smaller», «act naturally».

Как уже говорилось выше, оксюморонные сочетания могут быть представлены не только простым, но и сложным синтаксическим и лексическим единством: многокомпонентными оксюморонными сочетаниями.

Обратимся к примерам: «As for believing things, I can believe anything, provided that it is quite incredible» [9].

В данном случае оксюморон создается с помощью противопоставления слов «believe» и «incredible». Этимологически слово «incredible» происходит от слова «credible», что означает «believable». Таким образом, автор показывает, что его герой будет верить в то, во что поверить невозможно. Это помогает раскрыть

характер персонажа, демонстрируя его богатое воображение и незаинтересованность во всем, что можно считать обыденным.

«...I must be cruel, only to be kind» [8]. В данных строчках автор соединяет две противоположные идеи «be cruel to be kind». Противопоставление раскрывает сюжетную линию пьесы. Гамлет хочет убить Клавдия, убийцу своего отца, который женился на его матери. Главный герой не хочет, чтобы его мать была возлюбленной убийцы своего мужа, поэтому приходит к выводу, что через убийство Клавдия сможет очистить ее, спасти от кары свыше.

Второй тип оксюморонных сочетаний – стилистический. Учет экспрессивности, а также степени освоенности носителями языка и принадлежности к разряду языковых явлений представляет возможным разделить оксюморонные сочетания данного типа на: авторские, трафаретные и стертые [5]. Авторские оксюмороны появляются в художественном тексте и не выходят или почти никогда не выходят за его рамки. Они являются уникальным творением автора и существуют в единственном виде. Например, «magnanimous revenge».

Однако было отмечено, что некогда возникшие авторские оксюмороны способны переходить в разряд устойчивых оборотов речи – трафаретных и стертых оксюморонных сочетаний. Трафаретные оксюмороны отражают социальный опыт, имеют регулярный характер употребления и чаще всего анонимны. К примеру, «happily disappointed» или «act naturally».

Стертые оксюмороны – это те, что утратили свой экспрессивный характер в силу частоты использования в речи. К ним относятся такие оксюморонные сочетания, как «awfully nice», «awfully glad», «terribly sorry», которые обычно выполняют лишь функцию усиления, поскольку их выразительные возможности утеряны из-за десемантизации первых компонентов, превращающихся в усилители лексического значения синтаксически главных слов.

Подводя итоги, следует заметить, что проблема употребления оксюморонных сочетаний является благодатной почвой для исследований, так как эмотивный компонент значения данного стилистического приема представляет собой антропологическую значимость. Человек занимает центральное место в языке и речи, он является основой, плодородной почвой, за счет которой язык существует и развивается. Именно эта почва рождает языковые образования. Построить языковую систему без учета эмоций человека представляется невозможным. Опыт человечества в познании эмоций закрепляется в языковых единицах. В то время как эмоции являются универсальными, структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, имеет национальную специфику, несет на себе печать культурно-языкового кода как части национального интеллекта. Дальнейшее изучение оксюморонных сочетаний в языке будет способствовать более глубокому пониманию семантической структуры единиц изучаемого языка, а значит, и менталитета народа – его носителя.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 303 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1968. 405 с.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Наука, 2004. 458 с.

4. Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса. Одесса, 1984. 157с.
5. Татанова Л.А. Дискурсивные характеристики оксюморона в англоязычной художественной литературе: дис. канд.филол. наук. М., 2006. 151 с.
6. Яшина Е.А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте: пособие для студентов. Волгоград, 2010. 157 с.
7. Galperin I.R. Stylistics. M., 1971. 342 p.
8. Shakspeare W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. Jon Bosak, 1999. 142 p.
9. Wilde O. The Picture of Dorian Grey. Lippincott's Monthly Magazine, 1890. 250 p.

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ТОСКА КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

В.А. Марчукова, С.П. Штумпф

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

Человек только тогда становится репрезентантом своего этноса, когда он с детства посредством усвоения языка овладевает традициями и обычаями своего народа. «Все тонкости мировосприятия народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [1]. Язык, являясь важнейшим средством выражения человеческой культуры, формирует наши представления не только о реальном, окружающем нас мире, включающем в себя материальную и духовную систему ценностей, но и раскрывает индивидуальные и неповторимые сферы бытия человека. По образному выражению М.К. Голованивской, «язык представляет собой культурный слой, на котором растут деревья современных представлений того или иного народа, отвечающего на вечные вопросы: кто, куда, когда, зачем и почему». Поэтому в современных лингвистических исследованиях все большее значение приобретает обращенность к человеку, выражающаяся как принцип антропоцентризма.

В рамках антропоцентрически ориентированной лингвистики современные ученые выделяют такие ее важнейшие направления, как лингвогносеология, лингвосоциология, лингвопсихология, лингвоэтногология, лингвопалеонтология и лингвокультурология [4, с. 25–33]. Особую роль в настоящее время играет такая отрасль языкознания, как лингвокультурология, которая представляет собой молодое, весьма перспективное направление, сформировавшееся в 90-х гг. XX в. в результате интеграции языкознания со смежными дисциплинами – культурологией, этнологией и этнографией.

Важное место в лингвокультурологии, как показывает обзор научной литературы, занимает актуальная для филологии проблема – репрезентация эмоций в языке. Лингвокультурологический подход в исследованиях помогает выявить языковые особенности восприятия чувств, которые бытуют и интерпретируются в той или иной культуре по-разному. Это позволяет лучше осмыслить особенности харак-

тера, мировоззрения, поведения определенного народа, а также раскрыть универсальные и национально-специфические черты, которые вводят нас в сложный мир чувств и переживаний его представителей. Подтверждением этого факта служит обилие и многообразие арсенала языковых средств, призванных обозначать и выражать эмоции. В большинстве своем разные языки прибегают к различным лексическим множествам для того, чтобы передать многовековой опыт этноса, имея специфические для данной культуры представления об эмоциональных переживаниях.

Великий и могучий русский язык считается одним из самых сложных языков в мире, а богатство и разнообразие его лексики нередко создает трудности для перевода на иностранные языки. Принимая во внимание этот факт, В.В. Набоков в лекциях по русской литературе отмечает: «Ни одно слово в английском не передает всех оттенков слова «тоска». В его наибольшей глубине и болезненности – это чувство большого духовного страдания без какой-либо особой причины. На менее болезненном уровне – неясная боль души, страстное желание в отсутствии объекта желания, болезненное томление, смутное беспокойство, умственные страдания, сильное стремление. В отдельных случаях это может быть желание кого-либо или чего-либо определенного, ностальгия, любовное томление. На низшем уровне тоска переходит в *ennui*, скуку». Пытаясь дать характеристику русских людей через языковую единицу «тоска», мы обращаем внимание на те общие свойства, которые чаще всего встречаются у представителей нашего народа и потому выразимы в общих понятиях [3].

Существование в русском языке регулярно употребляемого слова «тоска» представляется убедительным доказательством того, что эта лексема относится к уникальным в русской национальной культурной традиции. Она является предметом многократных исследований лингвистов. Внутренняя форма языковой единицы окончательно не прояснена. В древнерусском языке ее значение группируется вокруг признака «стеснение, давление, натиск». Очевидно, праславянское слово было *tbska*. В этимологическом словаре М. Фасмера слово «тоска» соотносится со словами *тще*, *тщетный*. И.И. Срезневский дает толкование смысла *тъска* с помощью слов «стеснение, притеснение; горе, печаль; волнение, беспокойство». От этого физического значения и происходит обозначение чувства – горе, печаль, туга. А также два глагола, один физического действия, точнее, намерения: *тъскнутися* «стараться, стремиться», другой – чувства: *тъскнути*, *тъскну* «быть удрученным, тосковать. Синоним тоски – туга – также указывает на физический смысл «узость, стеснение, сдавливание». В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля видим другое определение этому понятию: «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь». По свидетельству этимологов, слово «тоска» – общеславянское, но утраченное почти всеми славянскими языками, в том числе и белорусским (ср. *нуда*, *смутак*, *маркота*, *журба*). Они передают лишь однообразие, мутное состояние человека. Помимо этого, лексема «тоска» этимологически связана еще и со словами «тощий», «тщетный», то есть с пустотой, незаполненностью.

Согласно толковому словарю современного русского литературного языка, тоска – тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога, которая мучает, изводит человека; «тоска – душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием». Тоска, по В.В. Колесову, – это «стеснение, она истощает. Благодаря смысловой близости к тьщ «пустой, полый», по мнению ученого, тоска передает бесполезность, суету, пустоту, тщетность жизни». Понятийными признаками тоски, как можно видеть из приведенных определений, являются тревога, уныние, грусть, томление, душа. Легко заметить, что смысловое значение понятия «тоска» передано синонимичным рядом, что говорит о цельности содержания данной лексемы. Схожее определение можно было бы дать и грусти, и печали. Тоска в русском языковом сознании означает отсутствие или недостижимость чего-либо хорошего. По мнению Ю.Д. Апресяна, это неприятное чувство, «когда нет того, что человек хочет, и он думает, что желаемое невозможно».

Под эмоцией «тоска» понимается отрицательная эмоция, возникающая в связи с неудачами в достижении поставленной цели, разлукой, разочарованием, утратой близкого человека. Это скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, сопровождаемое утратой активности и безразличием к окружающему миру, погруженностью в себя. Признак «тяжелого груза, ноши» часто отмечают психологи: человек, испытывающий эмоцию тоски, может сказать, что у него «тяжело на сердце»; «Пала грусть-тоска тяжелая / На кручинную головушку» (А.В. Кольцов «Русская песня», 1838). Однако существует точка зрения, что данная эмоция не может быть однозначно отнесена к сфере отрицательного. Так, К. Изард считает, что тоска в содержательном плане очень специфическая эмоция, и хотя ее обычно относят к негативным переживаниям, она может положительно восприниматься человеком. По мнению Ю.С. Степанова, «образ русской тоски облепляется деталями». В качестве примеров предлагаем такие: сладкая тоска; но в радости моей – всегда тоска, в тоске всегда – таинственная сладость! Исследователь считает, что концепт «тоска» может носить оптимистичный характер: «...он является для человека свидетельством о подготовке нового, высшего этапа эволюции, является «манком» к нему».

Эмоция тоски в русской картине мира на первый взгляд кажется очень личностной. Причины, ее вызывающие, могут быть любыми, формы, в которых она может проявляться, весьма многообразными. Между тем весьма примечательно, что тоска другого человека воспринимается окружающими как нечто прощительное даже в тех случаях, когда внешние проявления этого чувства грозят им серьезными неудобствами. Это, пожалуй, один из многих случаев, когда общество, следуя устоявшейся ментальной социокультурной традиции, относится к личности с пониманием и чуткостью. Следовательно, тоска в известной степени не разрывает, а, наоборот, укрепляет межличностные связи.

С другой стороны, сама тоска на самом деле не столько личностное, сколько социальное чувство (это, в частности, отличает тоску от грусти). В самом деле, тоска по умершему или отсутствующему человеку – это стремление восстановить утраченные социальные связи. Безобъектная тоска (Мне тоскливо) на са-

мом деле вызвана тем или иным разрывом с обществом (потерей работы, неудовлетворенностью карьерой, проблемами в семье, отсутствием цели в жизни). Даже в тех случаях, когда тоска вызвана потерей вещи (семейной реликвии, фотографии, подарка), в конечном счете это тоже тоска по людям, с которыми человек был связан через эту вещь.

В заключение статьи нам хотелось бы привести примеры такого тематического направления проявления тоски, как тоска по Родине, которое весомо представлено в русской литературе. Несомненно, чувству тоски способствуют бескрайние русские просторы. «Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?» – спрашивал Н.В. Гоголь, обращаясь к Руси. Явно слышен мотив тоски и неприкаянности в творчестве С.А. Есенина: «Тоска бесконечных равнин» – устойчивый мотив стихотворения «Неуютная жидкая лунность». Главный герой комедии в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись из дальних странствий, говорит о сладостном тоскливом чувстве: «Когда постранствуешь, воротись домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен». Русская природа вызывает поток непреодолимой любви к Родине у русских поэтов, отчего «так легко зарыдать». Это связано и с тоскливостью «пустынных, бесконечных дорог» у И.А. Бунина. Сложно назвать поэта или писателя, который не посвятил бы тоске по Родине неподдельные, идущие от самого сердца строки. В творчестве А.А. Блока это выражено с сокрушающей, чисто русской откровенностью любовного томления по различным родным приметам и признакам: «Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слезы первые любви...». Для К.Д. Бальмонта Родина – это мать, которую он любит, по которой тоскует, живя на чужбине: «шуршание камышей, пение соловьев, ауканье лесов; это язык его отца и матери, его детства и первой любви». В стихотворении «Тоска по родине!» А.А. Ахматова отмечает, что ей, в сущности, безразлично, «по каким камням домой брести с кошелкою базарной», и что именно считать своим домом, зная, что родные для нее воспоминания, остались в далеком прошлом.

Таким образом, тоска по Родине при всей своей многогранности как эмоциональное проявление дает возможность русскому человеку провидеть, предвосхитить неповторимую загадочность своего бытия, выразить своеобразие национальной причастности, и более – идеи, «скрытой за покрывалом бесконечного русского пространства и русской песни» [2].

Библиографический список

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основа этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
2. Мамлеев Ю.В. Россия вечная. М.: АиФ-Принт, 2002. 512 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. М.: Язык русской культуры, 1999. С. 25–33.

ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ ОСОБЕННОСТЬ СТРОЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Д.Е. Романова, И.А. Битнер

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В системе современного английского языка заложены предпосылки к переходу слов из одной части речи в другую. В силу аналитического строя английский язык обладает большой способностью к синтаксическому варьированию, поэтому зачастую более действенным методом определения принадлежности слова к той или иной части речи является анализ его «поведения» в предложении [1].

Проблема определения частей речи – одна из самых сложных и неоднозначных в лингвистике. Над ее решением в разные времена работали такие лингвисты, как Генри Суит, Отто Есперсен, Чарльз Фриз, Шарль Балли, Люсьен Теньер, а также отечественные ученые Е.С. Кубрякова, В.Г. Гак, П.А. Соболева.

Американские лингвисты Джордж Трейджер и Генри Смит выдвинули гипотезу, что между частями речи нет непреодолимой границы и возможен не только переход одной части речи в другую, но и употребление одной части речи в функции, преимущественно свойственной другой, например, характерное для английского языка использование существительного в функции определения (a flower garden), обычно присущее прилагательному [4].

Одним из важнейших свойств языка и явлением, характерным для всех его уровней, является переходность, или транспозиция. Впервые термин «транспозиция» был введен швейцарским лингвистом Шарлем Балли. В своей работе «Мышление и язык» он обосновал основные принципы теории транспозиции, строго разграничив функциональную и семантическую транспозиции [2].

Согласно лингвистическому словарю, транспозиция – это использование одной языковой формы в функции другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду [3].

Транспозицию рассматривают в двух смыслах. В широком смысле транспозиция понимается как перенос любой языковой формы, например транспозиция времен (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения), коммуникативных типов предложения (употребление вопросительного предложения в значении повествовательного) и др. Термин «транспозиция» используется также для обозначения метафор и иных переносов в лексике.

В узком смысле транспозиция (функциональная транспозиция) рассматривает перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи.

Следует выделять два этапа транспозиции:

1) неполная, или синтаксическая – изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее принадлежности к части речи;

2) полная, или морфологическая транспозиция – образуется слово новой части речи.

При морфологической транспозиции (или также морфологической конверсии) различают субстантивацию (переход слова в класс существительных), *адъективацию* (переход в класс прилагательных), *вербализацию* (оглаголивание), *адвербиализацию* (переход в класс наречий), *прономинализацию* (переход в класс местоимений). Возможны переходы в служебные части речи (предлоги, союзы, частицы), в междометия.

Чтобы проиллюстрировать примеры различных видов транспозиции, нами был использован метод сплошной выборки по произведениям современной художественной литературы.

Рассмотрим один из типов синтаксической транспозиции – переход предложения в коммуникативную среду, типичную для другого функционального предложения – на следующем примере.

«And that's supposed to be cultured?» (P. Shafer)

Перед нами транспозиция повествовательного предложения с превращением его в вопросительное. Как видно, использование транспозиции придает предложению ироничный и даже саркастичный оттенок. Прямой же порядок слов вместо обратного (по правилам построения вопросительных предложений) свидетельствует о том, что спрашивающий догадывается, каким может быть ответ. Тем самым транспозиция использована как стилистический прием для более точной передачи эмоций говорящего.

Следующий пример:

«What on earth are you doing!»

Приведен пример восклицательного предложения, построенного как вопросительное. Данный прием транспозиции встречается в основном в разговорной речи. Такое предложение эмфатично и экспрессивно.

Следующий тип синтаксической транспозиции – слова, принадлежащие к одной части речи, которые используются в синтаксической функции, характерной другой части речи. Рассмотрим примеры:

«Each moment was a partition, with the past on one side and the future on the other, a future containing this unthinkable now» (John Updike «Separation»)

Наречие «now» с точки зрения морфологии остается неизменным, однако в данном предложении выполняет функцию существительного.

«You look very tired. – A hard day?» – «A nothing day, Herr Ritter»

В данном предложении отрицательное местоимение «nothing» не меняет свою частеречную характеристику, однако при этом выполняет функции прилагательного в предложении.

Следующий пример транспозиции представляет собой лексиколизированный комплекс. «I was on permanent date-with-Daniel standby» (Helen Fielding «Bridget Jones's Diary»)

По структуре данный комплекс является фразой, состоящей из различных частей речи (существительное, существительное имя собственное, предлог), соединенных воедино. В предложении комплекс выполняет функции прилагательного.

В процессе отбора примеров было обнаружено большое количество случаев транспозиции в различных ее проявлениях. Это говорит о широкой распространенности и важности данного явления в системе современного английского языка. Транспозиция свидетельствует о гибкости системы и несет компенсаторную функцию, восполняя лакуны в той или иной части речи.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. С. 165–167.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
4. Trager G., Smith H. An Outline of English Structure. Washington. 1957.

ИРОНИЯ КАК СОЗДАНИЕ КОМИЧЕСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ П.Г. ВУДХАУСА «ЛЮБОВЬ НА ФОНЕ КУР»

М.С. Смоленцева, Т.П. Бабак

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Стиль текста – это система употребления языковых средств и способов их организации, которую мы используем в какой-либо определенной коммуникативной сфере. С каждым из стилей мы сталкиваемся в жизни в той или иной степени. В нашей работе особый интерес представляет стиль художественного произведения. Данный стиль отличен тем, что имеет множество средств образности и выразительности, таких как эпитет, метафора, сравнение, аллегория и многие другие. С помощью этих средств автор создает особую атмосферу и настроение произведения, помогает почувствовать эмоции и переживания героев. Таким образом, увлекает читателя, заставляет непрерывно следить за событиями всего произведения.

Ирония как одно из стилистических средств помогает создавать ощущение, что предмет не такой, каким он кажется. Ирония изображает явление в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда осмеять данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, который заменяется соответствующим достоинством. В силу своей интеллектуальной обусловленности и критической направленности ирония сближается с сатирой; вместе с тем между ними проводится грань и ирония рассматривается как переходная форма между сатирой и юмором. Согласно этому объектом иронии является преимущественно невежество, в то время как сатира обладает уничтожающим характером, создает нетерпимость к объекту смеха, общественной несправедливости. «Ирония – средство невозмутимой холодной критики» [3]. Она пронизывает литературное произведение, делает его незабываемым и неповторимым для читателя.

Одним из известнейших писателей, в произведениях которого ирония занимает особое место среди всего разнообразия стилистических средств, является П.Г. Вудхаус – популярный английский писатель, юморист, драматург и комедиограф. На протяжении всего творчества произведения «короля комедии» Вудхауса пользовались огромным успехом. Им восхищались многие знаменитости от Киплинга до Оруэлла. Вудхаус создает собственный светлый мир, который кардинально отличается от реальности, но все вокруг остается узнаваемым. Автор не использует аллегорий, которые могли бы изменить изображаемую картину и восприятие ее читателем. Наоборот, люди и вещи кажутся нам абсолютно реальными. Писатель использует иронию как стилистический прием и как эффект, производимый на читателя. Этому во многом способствовал драматургический опыт Вудхауса.

Цель нашего исследования – рассмотрение иронии как художественного приема в произведении П.Г. Вудхауса «Love among the Chickens». В данном романе ирония проявляется на разных уровнях. Для начала стоит рассмотреть проявления иронии на уровне языка.

Ироническое звучание речи большинства героев П.Г. Вудхауса придают различные *клише, фразовые штампы*, типичные для различных литературных стилей, *крылатые выражения, пословицы, поговорки* и т.д.

Now listen to me for a moment. Let me *get a word in edgeways* [8].

I've thought it all over, laddie, and *it's as clear as mud* [8].

Quiet efficiency – *that's the wheeze!* [8]

Автор также использует *комические метафоры*, что является одним из самых типичных для Вудхауса приемов. Он переносит смысл слова на объект, с которым тот совсем не соотносится. Таким образом, слова и фразы, вырванные из привычного для них контекста и окружения, начинают работать в новых, непривычных речевых ситуациях. В примере, приведенном ниже, автор показывает нам через метафору состояние Укриджа, который с яростью молотил кулаками по столешнице.

“Error!” shouted Utridge, pounding the *table* till it *groaned* [8].

The dog's reply was to continue his *operations* with immense vigour [8].

Здесь автор с иронией говорит о том, что натворила собака в доме Укриджа за время отсутствия там людей как об «операциях», или, если переводить точнее «манипуляциях».

I looked up. Coming towards me at her best pace was a small hen. I recognized her immediately. It was *the disagreeable, sardonic-looking bird* which Utridge, on the strength of an alleged similarity of profile to his wife's nearest relative, had christened Aunt Elizabeth.

В этом примере Вудхаус описывает курицу как противную и саркастичную птицу, которую Укридж даже сравнивал с ближайшей ровесницей его жены, показывая тем самым наглость и напористость курицы, а также отношение главных героев к ней.

Еще одним излюбленным приемом Вудхауса для создания комического эффекта является *перифраз*. Этот прием состоит в том, что название предмета или

человека заменяется указанием на его признаки, усиливающие изобразительность речи. Потенциальные возможности перифраза самого по себе в создании иронии достаточно велики (особенно номинативных словосочетаний, близких по функции к прозвищам) [1]. Однако Вудхаус идет дальше и ему удается придать перифразу еще большую выразительность, употребляя его в самых неожиданных ситуациях. Ярким примером здесь может выступить манера обращения Укриджа со своим другом, который на протяжении всего романа использует словосочетание «старый конь»:

Look here, Licky, *old horse*, you know I never borrow money [4].

Licky, *old man*, shake hands, *old horse* [4].

К этим же примерам мы можем отнести использование в романе повторов. Это «весьма мощное средство для достижения комического эффекта, поскольку с каждым новым разом вследствие повторения слово может приобретать выразительность и дополнительные значения» [2].

Одним из самых значительных примеров употребления лексического повтора в романе является обращение «old horse», которое выполняет характеризующую функцию персонажа и неотрывно сопровождает его по всему тексту произведения.

Вудхаус активно использует в романе слова, которые являются предметом его собственного творчества. Например, автор придумал название для незначительной суммы денег – «трехпенсовик»: I'll let you have this (producing a beastly little *threepenny* bit with a hole in it which he had probably picked up in the street) until I can pay you back [4, с. 5].

Ирония проявляется в романе и на уровне текста. Для этого писатель вводит в текст иронические комментарии, которые дают возможность создавать различные, в том числе, юмористические эффекты, выражать эмоциональное отношение автора и персонажей к происходящему. Как, например, в отрывке, приведенном ниже, автор при помощи таких комментариев высмеивает поведение льстеца Укриджа.

"Confound it, sir," he would say with tears in his voice, laying a hand on the man's shoulders in a wounded way, "it's a trifle hard, when a gentleman comes to settle in your neighbourhood, that you should dun him for money before he has got the preliminary expenses about the house off his back." – (*This sounded well, and suggested the disbursement of huge sums for rent. The fact that the house had been lent him rent free was kept with some care in the background*) [4, с. 17].

Комический эффект создается в произведении и на уровне смысла. Так, комичным выглядит конфликт Укриджа с собакой, которая жила на его будущей ферме. В данном примере автор показывает нам, в какое раздражение вводила героя собака, которая очень долго пыталась ворваться в комнату.

Look here, I'll give that dog three minutes, and if it doesn't stop scratching that door by then, I'll take a rolling pin and go out and have a heart-to heart talk with it [4, с. 13].

П.Г. Вудхаус проявляет ироническое отношение и создает комический эффект при помощи различных приемов. Автор также любит использовать языковую игру, создает новые слова в языке, используя при словотворчестве продук-

тивные модели словообразования. Вудхаус наполнил ироничным смыслом каждый диалог своих героев, тем самым обличая общество и его пороки, присущие тому времени.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стиль П.Г. Вудхауса зависит от самого языка, который является одним из персонажей его книг.

Библиографический список

1. Боров Ю. Б. О комическом. М.: Искусство, 1957. 232 с.
2. Походня С.И. Языковые средства выражения сатирического смысла (английская и американская художественная литература и публицистика XX в.): автореф. дис. М. 1979. 26 с.
3. Чернышевский Н.Г. Возвышенное и комическое. Пол. собр. соч. М., 1949. Т. 2. 584 с.
4. P.G. Wodehouse Love among the chickens Изд-во: Grendel Hall Press, 2008.

ИНОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В.А. Фабер, Н.В. Колесова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В настоящее время концептуальным ядром образовательных стандартов третьего поколения является компетентностный подход, при котором ведущее значение придается метаумениям. Следовательно, задача современного процесса иноязычного образования должна заключаться в реализации таких способов и приемов презентации и репрезентации знаний об изучаемом объекте, которые сделали бы процесс познания деятельностным и активным.

Кроме того, в настоящее время в методике обучения иностранным языкам преимущественное использование получил коммуникативный подход, предполагающий моделирование аутентичного процесса иноязычного общения в условиях искусственной образовательной среды, когда обучающийся дистанцирован от естественной среды изучаемого языка и носителя соответствующей лингвокультуры. Однако нельзя забывать, что живое общение диалогично, поэтому необходимо активизировать ситуации максимального приближения к реальной коммуникации, когда становится рефлексивно необходимым процесс порождения высказывания и предвосхищения возможного ответа. Этот предвосхищающий ответ, в свою очередь, будет оказывать соответствующее воздействие на высказывание. Следовательно, коммуникативно-ориентированный учебный процесс направлен на развитие практических навыков владения языком как средством общения в различных ситуациях в зависимости от интенций. «В этом случае коммуникативность выступает как методологический принцип, который подчиняет себе все стороны обучения: соотнесение знаний с умениями и навыками, содержание общеобразовательных и воспитательных задач, а также адекватный отбор приемов обучения» [2, с. 149].

Исходя из вышесказанного, представляется необходимым определить особенности использования иноязычного дискурса и его роль в формировании коммуникативной компетенции школьников.

И.И. Халеева отмечает, что «при формировании и развитии коммуникативных навыков и умений в процессе когнитивно-коммуникативного обучения необходимо учитывать поэтапность становления в сознании обучаемых иноязычной вербально-ассоциативной сети, характерной для «природного» инофона» [4, с. 200]. Система такого обучения должна создавать условия для погружения обучаемых в иную языковую картину мира. Этому способствует обучение на основе иноязычного дискурса, при котором обучающийся овладевает совокупностью знаний характеристик иноязычного общения, законами его планирования и управления, что приводит к более осознанному пониманию коммуникации при построении и восприятии иноязычных высказываний.

В настоящее время возрастает роль дискурсивной компетенции как составной части иноязычной коммуникативной компетенции учеников. При обучении иноязычному дискурсу следует обращать внимание на следующие свойства дискурса: тематическая связность, ситуативная обусловленность, социальная ориентация, динамичность, неоднородная структурированность, недискретность. Следовательно, дискурсивная компетенция, отражая характер познавательной, информационно-коммуникативной, рефлексивной деятельности, является значимым элементом учебного процесса, так как влияет на успешность функций речевого общения.

Компетентность такого рода приобретает особое значение в обучении иностранным языкам, которое характеризуется сейчас переходом к личностной парадигме в образовании. В первую очередь это связано с тем, что на достигнутом уровне научных представлений базовым понятием в методике обучения иностранным языкам является понятие языковой личности, включающее в себя многокомпонентный структурно упорядоченный набор языковых способностей, умение производить и воспринимать речевые сообщения. В этом смысле дискурсивная компетенция является одним из критериев определения уровня развития языковой личности.

Для формирования речевых умений, используемых в дискурсе, требуется систематическое обучение. Для этого необходима целенаправленная методика обучения порождению и восприятию дискурсов, обеспечивающая формирование дискурсивной компетенции.

Таким образом, лишней раз можно убедиться в том, что дискурс – это «сложное коммуникативное явление» [1, с. 43], которое нужно создать: учителю необходимо подобрать аутентичный материал, ситуации общения, чтобы было создано «семантическое поле» общения.

Так как «дискурс рассматривается как реализация в речи личностных смыслов, обеспечивающих необходимую мотивацию общения, связанную с личностной потребностью самовыражения» [3, с. 213], следовательно можно утверждать, что дискурсивная компетенция способствует формированию наивысшего мотивационно-прагматического уровня владения языком.

Также важно понимать, что дискурсивная компетенция способствует выполнению ряда учебных задач: определение соответствия речевой деятельности характеру и типу общей деятельности; обеспечение упорядоченности, систематичности, преемственности и логичности процессу формирования всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции; формирование мотивов иноязычного речевого общения в процессе обучения; подготовка студента к тому, чтобы использовать иностранный язык в качестве орудия речемыслительной деятельности в будущей профессии.

Следовательно, дискурсивная компетенция является одним из важнейших компонентов формирующейся коммуникативной способности и представляет собой искомый результат образования в целом.

Создание дискурса сопряжено с творчеством коммуникантов, поэтому нецелесообразно строить обучение иностранным языкам на основе заучивания готовых текстов, порой не свойственных личности обучаемого и не совсем или совсем для данной ситуации общения.

Помимо объективных трудностей при обучении иноязычному дискурсу мы также имеем дело с личностью, обладающей своей индивидуальной целостной информационно-когнитивной системой, которую образуют тесно взаимосвязанные друг с другом сознание, мышление, память, язык. А обучение иноязычному дискурсу создает условия для погружения обучающихся в активное иноязычное общение, что способствует лучшему усвоению коммуникативного репертуара, активизирует процессы запоминания и воспроизведения. Воспринимая иноязычный дискурс на слух, человек удерживает в памяти оперативные единицы, чтобы понять смысл услышанного.

Таким образом, для того чтобы учебное речевое общение способствовало формированию, совершенствованию и дальнейшему развитию коммуникативных навыков и умений в дальнейшем профессиональном общении, необходимо обеспечить условия, способствующие взаимному положительному влиянию когнитивных и коммуникативных аспектов речевой деятельности: 1) создавать на занятии ситуации, в которых ученики могли бы проявлять свою индивидуальность, потребность вступить в коммуникативное взаимодействие с учителем, одноклассниками и другими партнерами по общению; 2) моделировать все функции общения, выступающего и каналом познания, и средством языкового / речевого развития, и инструментом воспитания, и адекватной средой обучения иноязычному общению с учетом особенностей инокультурной реальности.

В современных же условиях влияния социальных, экономических, политических, психолого-педагогических, культурологических факторов на систему иноязычного образования ощущается объективная необходимость в разработке методических приемов и способов работы, которые способствуют максимальной актуализации личностно-интеллектуального потенциала обучающихся, что вызывает закономерный научный интерес к положениям когнитологии и к разработке когнитивно-коммуникативного подхода к обучению иноязычному дискурсу.

Дискурс и отдельные его части соотносятся с конечной и промежуточными целями иноязычного образования и отражают предметное содержание ино-

язычного образования, зафиксированного в Программе для соответствующего типа учебного заведения. Иноязычный дискурс для любого учебного заведения и любой его ступени формируется с учетом следующих факторов: 1) цели, задач, содержания и условий иноязычного образования; 2) закономерностей развития культурно-языковой личности; 3) системной организации осваиваемого иностранного языка и транслируемой им культуры; 4) внутренних и внешних механизмов текстопонимания и текстопорождения; 5) закономерностей процесса владения и овладения иностранным языком и культурой вне естественного культурно-языкового окружения; 6) индивидуальных потребностей и мотивов субъектов иноязычного образования.

Отобранный учебный дискурс нуждается в специфической для иноязычного учебно-образовательного процесса организации, что предполагает, во-первых, подбор текстовых единиц с учетом предметно-содержательной структуры планируемой коммуникации по каждой теме-проблеме; во-вторых, учет композиционной и формально-языковой сложности текстов; и в-третьих, необходимость дополнить его бинарными текстами.

Проведение дискурс-анализа требует от учеников на первом этапе разделение языка на части, что дает знание о системе, а на втором этапе – соединение данных частей, что дает понимание. При проведении дискурс-анализа ученик работает над всеми аспектами иноязычной коммуникативной компетенции. В результате такой деятельности происходит сознательная адаптация речемыслительных процессов к условиям конкретной речевой ситуации, достигающейся следующими компонентами когнитивной компетенции: системное мышление; умение отыскивать, обрабатывать, интерпретировать, представлять информацию; критическое мышление; развитые навыки планирования; умение анализировать проблемы; способность и желание обучаться.

Необходимо отметить, что использование такой методики «речевого погружения в язык», когда ученик находится в позиции не обучаемого, а исследователя, позволяет максимально активизировать когнитивный уровень языкового сознания.

Именно умение выстроить свое собственное высказывание и провести критический анализ чужого высказывания на иностранном языке демонстрируют сформированность компетенций выпускника. Ученики учатся воспринимать и понимать речевые ситуации с точки зрения человека, говорящего на данном языке, и, следовательно, приближаются к овладению иноязычным сознанием.

Библиографический список

1. Дейк Т.А. Язык. Познание. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иноязычному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 148–153.
3. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
4. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. 240 с.

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

К.Р. Хайсанова, С.А. Аганова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Данная работа посвящена изучению способов передачи русских фразеологических единиц на английский язык в произведении М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Исследуемые в работе фразеологические единицы широко известны и активно используются в речи.

Интерес к этой области языка не исчезает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову, хотя о фразеологии написано уже множество статей и книг. Фразеология – это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта [2, с. 4].

Цель работы – выявление закономерности перевода русских фразеологических единиц на английский язык в тексте с определенным функциональным направлением на материале М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Материалом исследования послужил текст романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и его перевод, выполненный Дианой Берджин и Кэтрин Тернан О'Коннор в 1995 г.

В ходе исследования была использована классификация В.Н. Комиссарова.

Чтобы достичь полного взаимопонимания, яснее и образнее выразить свою мысль, используются многие лексические приемы, в частности, фразеологизмы. Фразеологические единицы – это устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [2, с. 4]. Часто, чтобы добиться некоего речевого эффекта простых слов бывает недостаточно, поэтому мы используем фразеологические обороты в повседневной речи, порой даже, не замечая, ведь некоторые из них просты и знакомы с детства. Фразеологизм употребляется как некоторое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей.

В «шкале труднопереводимости» фразеологические единицы занимают едва ли не первое место, так как, например, переводчик может не распознать фразеологическую единицу и попытаться перевести ее как свободное сочетание слов. Поэтому очень важно, чтобы переводчик хорошо знал основные типы фразеологических единиц и способы их перевода. Существует 4 вида фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, и несколько способов их перевода.

Первый способ перевода – это метод фразеологического эквивалента. При этом методе сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в переводимом языке имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала.

Секретарь перестал записывать и исподтишка **бросил** удивленный **взгляд** [1, с. 14]... The secretary stopped writing and **cast a** furtive, surprised **glance** [4, с. 13]...

...сказал Иван, стараясь попасть в тон Стравинскому и зная уже по **горькому опыту**, что лишь спокойствие поможет ему [1, с. 55]... ...said Ivan, trying to imitate Stravinsky's tone and knowing from **bitter experience** that staying calm was the only thing that would help him [4, с. 53].

Во всех двух примерах («бросил взгляд» – «cast a glance», «горькому опыту» – «bitter experience») использован метод фразеологического эквивалента, так как между ФЕ в исходном языке (ИЯ) и переводимом языке (ПЯ) нет практически никаких отличий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски. К тому же у них одинаковый компонентный состав.

Второй способ перевода ФЕ – это метод фразеологического аналога. В случае отсутствия фразеологического эквивалента следует подобрать в переводимом языке фразеологизм с таким же переносным значением, основанном на ином образе.

– Позвольте вас поблагодарить **от всей души** [1, с. 7]. Allow me to thank you **with all my heart** [4, с. 5].

Мне **пришли в голову** кое-какие интересные мысли [1, с. 15]... Some new ideas have **occurred to me** [4, с. 13]...

Эти примеры ярко демонстрируют фразеологические единицы с таким же переносным значением, как у ФЕ в ИЯ, только основанном на ином образе. Например, фразеологизм «от всей души» переведен как «with all my heart». Первое значение слова «heart» – «сердце», что в данном случае не влияет на значение фразеологизма. Также, как и во втором случае, когда ФЕ «пришли в голову» переведена «occurred to», так как глагол «occur» переводится, как «приходить на ум».

Следующий способ перевода – это калькирование, или дословный перевод. Этот метод предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами нельзя передать ФЕ в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести до зрения» читателя образную основу.

В мгновение ока Иван и сам оказался там [1, с. 31]. **In the flash of an eye** Ivan himself was there [4, с. 30].

Второй жилец исчез, помнится, в понедельник, а в среду как **сквозь землю провалился** Беломут [1, с. 46]. The second lodger disappeared, I recall, on a Monday, and on Wednesday Belomut vanished **as if he had fallen through the earth** [4, с. 45].

Чтобы передать главную идею каждого из двух предложений, переводчик решила использовать те же слова и словосочетания, что и в оригинале: «В мгновение ока» – «In the flash of an eye», «как сквозь землю провалился» – «as if he had fallen through the earth».

В целях объяснения смысла фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу, переводчику необходимо прибегнуть к описательному переводу. Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ.

– Да **черт их возьми**, олухов [1, с. 42]. May they **rot in hell**, the blockheads [4, с. 41].

Ни одно из этих доказательств ничего не стоит и человечество давно **сдало их в архив** [1, с. 7]. All of those proofs are worthless and mankind has long since **consigned them to oblivion** [4, с. 5].

Это примеры, которые демонстрируют описательный метод перевода.

В первом примере «черт возьми» переводится как «rot in hell», то есть «гнить в аду», и передает то же экспрессивное значение и смысл фразеологизма, что и в оригинале. Так же, как и перевод ФЕ «сдало в архив» сводится к его толкованию «consigned to oblivion» «предать забвению».

В заключение мы бы хотели отметить, что употребление фразеологических единиц зависит от идейной тематической направленности произведения. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» ФЕ, как образные, оценочные, экспрессивные единицы, способствуют актуализации различных форм комического эффекта и занимают ведущее место среди других языковых средств.

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Эксмо, 2002. 672 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие. М.: Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
3. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. Picador, 1997. 84 с.
4. Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor, annotations and afterword by Ellendea Proffer, Ann Arbor: Ardis, 1993, 1995; New York: Vintage Books, 1996.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.В. Черенкова, С.А. Агапова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Перевод газетных заголовков с языка оригинала на русский язык по праву является одной из сложных задач современной лингвистики и, несомненно, очень важной, так как газеты, наряду с телевидением и радио, остаются важным и популярным источником информации.

Газетные заголовки функционируют на газетной полосе современных изданий. Характерной чертой современного газетно-публицистического стиля является сочетание двух тенденций – тенденции к экспрессивности и тенденции к стандарту. Тенденция к стандарту означает стремление публицистики к строгости и информативности, которые свойственны научному и официально-деловому стилям. Что же касается экспрессивности, она выражается в стремлении к доступности и образности формы выражения, что характерно для художественного стиля и разговорной речи.

Лексика газетно-публицистического стиля имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, включает разговорные, просторечные и даже жаргонные элементы.

Синтаксис данного стиля речи тоже имеет свои особенности, связанные с активным употреблением эмоционально- и экспрессивно- окрашенных конструкций: восклицательных и вопросительных предложений, обращений, риторических вопросов, повторов, расчлененных конструкций и др. Стремление к экспрессии обуславливает использование конструкций с разговорной окраской: частиц, междометий, инверсий, бессоюзных предложений, пропуск того или иного члена предложения и др.

Переходя к особенностям перевода заголовков, необходимо сначала выявить особенности самого заголовка.

Заголовок – это название какого-нибудь произведения (литературного, музыкального) или отдела его частей [3, с. 186].

Многие лингвисты в первую очередь обращают внимание на структуру заголовка. Здесь можно заметить множество мнений, а именно: заголовок – это слово и / или словосочетание; заголовок – это предложение; заголовок – это номинативное предложение.

Газетные заглавия выполняют на полосе несколько *функций*. Одной из важнейших функций заголовка является *номинативная (назывная, сигнальная)*. Прочитав заголовок, аудитория сразу должна понять, о какой сфере жизни пойдет речь в тексте (о политике, экономике, спорте, музыке, медицине и т.д.). Еще одна важная функция заголовка – *рекламная*, которая отвечает за привлечение внимания большего количества читателей. Для издания, вступившего в конкуренцию на рынке информации, публикация текстов с эффектными заголовками, привлекающими внимание аудитории, означает использование важного фактора, способного привести к успеху на этом рынке. В деловой прессе главная задача заголовка – *информативная*, заголовок должен точно передать суть проблемы. В общественно-политической прессе заголовок должен выполнять две главные задачи – показывать суть, содержания текста и привлекать внимание аудитории. Таким образом, номинативная и рекламная функции здесь являются одинаково приоритетными. В желтой прессе на первое место выходит *рекламная* функция заголовка: привлечь внимание максимально большого количества людей. Всем газетным заголовкам присуща *графически-выделительная* функция, позволяющая отделить один текст от другого [1, с. 149].

Существует несколько классификаций газетных заголовков. Исследователь Э.А. Лазарева в своей работе «Заголовок в газете» предлагает две классификации заголовков в газете:

В первой классификации заглавия различаются в зависимости от того, *один или несколько элементов* смысловой схемы текста выражает заголовок. По этому признаку выделяются:

1. *Однонаправленные* заглавия соотносятся с одним элементом смысловой структуры текста.

2. *Комплексные* заголовки соотносятся с несколькими элементами структурной схемы текста одновременно. Они передают усложненную информацию. Степень их информативности выше, связи этих заглавий с текстом многообразны, что является одним из средств повышения выразительности текста.

Вторая классификация заглавий основана на полноте отражения того или иного элемента текста. По данному признаку заголовки делятся на:

1) полноинформативные (полностью актуализирующие смысловой компонент текста);

2) неполноинформативные, пунктирные [2, с. 48].

Основными принципами организации заголовка у исследователя М. Шостак являются:

1. Повествовательный заголовок, который используется для новостей. «Губернатор задаст приоритеты»; «Инвалидам пропишут квоты».

2. Заголовок-констатация, который может состоять из двух-трех предложений. «Выбор банка: размер имеет значение?»

3. Заголовок-резюме, или комментирующий заголовок. Не редкость резюме с ироничной «оговоркой». Такие заголовки популярны у российской прессы. «Метро докопалось до «Парнаса»»; «Диагноз: затмение».

4. Заголовок-парадокс. Его цель – пробудить любопытство читателя. «Город уберут шлангом и «пагонами», «Таможня играет в карты».

5. Использование имен в заголовке, упоминание участников события. «Клебанов взялся за цемент», «Геннадий Селезнев махнет налево».

6. Заголовок-цитата, где возможно прямое цитирование.

7. Игровой заголовок это, прежде всего перефразировка, игра слов. «Таможня дает добро»; «Враг опасен – будь начеку!» [3].

На базе анализа заголовков новостных порталов *Russia Today*, *The Moscow News*, *BBC* и *BBC: русская служба* был выявлен ряд особенностей при передаче заголовков на русский язык.

1. Наличие простого глагольного сказуемого или составного глагольного сказуемого более характерно для русских газетных заголовков, у английских заголовков наблюдается преобладание глагольных фраз над именными. *Предикативность* англоязычных заголовков придает им динамичность: *Singapore is world's most expensive city – Сингапур – самый дорогой город мира (Russia Today)*.

2. В русских заголовках используются активные формы глагола, частое использование пассивной конструкции характерно для английского языка. Такое построение заголовка позволяет достичь в нем сжатости, емкости. В русском языке использование пассивной конструкции ограничено:

Indian soldier rescued alive from icy tomb – В Индии *солдат дождался* спасателей под снегом (BBC).

3. Еще одним качеством английских заголовков является опущение глагола-связки *to be* в пассивных конструкциях: *First Zika medical test developed in Germany* – В Германии разработали первый тест на вирус Зика (Russia Today)

4. Для англоязычных заголовков характерно отсутствие глагольных форм прошедшего времени. Прошедшее время выражают через глаголы настоящего времени. В русских же заголовках широко распространено использование глаголов обоих времен:

Obama *calls* for swift action on Zika amid disease's rapid spread in Americas. Барак Обама *поторопил* медиков с разработкой вакцины против лихорадки Зика (Russia Today).

5. В английских газетных заголовках не используется будущее время глагола. Для выражения будущего времени в заголовке часто используют формы инфинитива. В русских газетных заголовках широко используется будущее время глагола:

Russian energy minister: Oil prices *to stay* low next year. Новак: Период низких цен на нефть *может затянуться* (BBC).

6. Для заголовков англоязычной прессы характерно опущение артикля. Артикль оставляют только в том случае, когда его отсутствие приведет к искажению смысла заголовка: *The beast of the Danube* – Дунайский лосось – чудище под угрозой (BBC).

7. У многих заголовков английских газет можно обнаружить употребление номинативных атрибутивных групп. В русском языке для этого нет точного эквивалента:

Gazprom proposes *new gas pipeline* to Southern Europe. «Газпром» нашел *новые пути доставки газа* в ЕС (Russia Today)

8. Как для английских, так и для русских газетных заголовков характерно употребление двусоставных, распространенных предложений:

Банковская группа Lloyds Banking Group сократит 700 рабочих мест. Lloyds Banking Group to cut 700 jobs (The Moscow News).

9. Использование назывных предложений в заголовке. Заголовки такого рода популярны и в русских, и в зарубежных СМИ: *Web Protest* – Протест в сети (Russia Today).

10. Использование различных средств выразительности языка.

Например, фразеологизмов: Извержение вулкана: лишь *капля в море*. *Volcano emission just a drop in the ocean* (Moscow News).

11. Опущение титулов, должностей, званий в русскоязычных заголовках:

В англо-американских газетах принято всегда указывать титул политического деятеля.

Sir Elton John to publish book about aids epidemic. *Элтон Джон* напишет книгу о СПИДе. (Титул *Sir* в русском языке опускается, поскольку имеет формальное значение.) (The Moscow News)

Основная задача любого переводчика – достижение эквивалентности и адекватности при переводе, а также создание текста на языке перевода, который смог бы иметь такое же влияние на читателя, как и текст оригинала. Таким образом, необходимо учитывать данные особенности англоязычных заголовков, чтобы создать равносильный заголовок на языке перевода.

Многие лингвисты советуют при переводе заголовков обращать также внимание на широкий контекст, привлекать свои фоновые знания, пользоваться различными ресурсами, а также вникать в смысловое содержание, структуру и коммуникативную задачу самого заголовка.

Библиографический список

1. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
2. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 94 с.
3. Ожегов С.И., Валуева Н.В. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015. 1376 с.
4. Шостак М.А. Сочиняем заголовок, статья. М.: Журналист, 1999. № 3.

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА
XVII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы научно-практической конференции
студентов факультета иностранных языков

Красноярск, 7 апреля – 20 мая 2016 г.

Электронное издание

Редактор *А.П. Малахова*
Корректор *Ж.В. Козутица*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 16.06.16.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 3,4